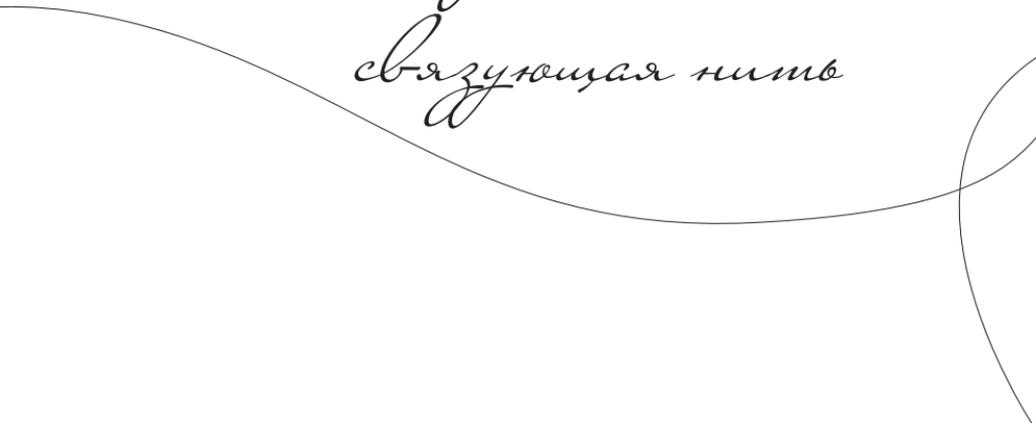

Галина Кудрявская

*С творцом
связующая нить*

Омск
Издательский дом «Наука»
2018

УДК
ББК
К

Кудрявская, Г.

К С творцом связующая нить / Галина Кудрявская. – Омск : Издательский дом «Наука», 2018. – 160.

ISBN

Новый сборник Галины Кудрявской – книга избранных стихов из восьми предыдущих поэтических книг автора. Галина Кудрявская – поэт, который обращается к читателю не просто с отдельным «словом» – стихотворением, за каждым её текстом тянется след предыдущего и последующего высказывания. Узнаётся не просто текст, а голос поэта. Книга – это любимый лирический жанр для поэта Галины Кудрявской. И книги её – всегда единый внутренний контекст, единое смысловое пространство, сложно организованное. Её стихи – пример современной религиозной лирики. Душа находит единственное необходимое слово, чтобы выразить себя в размышлениях о самом ценном, о том, что является её «животворящей святеньей».

УДК
ББК

ISBN

© Кудрявская Г., 2018
© Оформление ООО
«Издательский дом “Наука”»,
2018

Биография души

Написать биографию жизни это, значит, указать даты, факты: родился, учился, работал и т. д. Ну, что ж... Родилась в сороковом году прошлого века. Так что Великая Отечественная война началась и окончилась при моей жизни. Родина – город Исилькуль, тогда ещё посёлок городского типа. В пять лет требовала отдать меня в школу, но директор школы сказала – приходи через два годочка. И я утешилась. Окончила среднюю школу № 1, потом поступила в Омский медицинский институт. Хотя не мечтала в детстве стать врачом, может быть потому, что сама часто болела. Выбрала педфак, любила маленьких детей, в Омске и были только медицинский и педагогический институты. Педагогом я не хотела быть, а далеко от родителей и дома мне, домашней, полу деревенской девочке уезжать было страшно.

Родители мои – бывшая коммунарка и секретарь комсомольской ячейки и бывший председатель сельского Совета. К моменту моего рождения мама была домохозяйкой, а папа уже

беспартийным небольшим начальником в Потребкооперации.

Пролетели детство, студенчество, юность. Дальше – работа служба, замужество, дети, внуки, пенсия. Вот и вся жизнь. А где же душа? Как она всё это время существовала? Что любила, что ненавидела, от чего менялась? Я думаю, в человеческой биографии это главное. Душа, главное наше составляющее, меняется всю жизнь. От многих жизненных обстоятельств зависит её путь. Как ни странно, но на меня, совсем ещё маленькую сильнеешим образом подействовал война. Уже в четыре года я пела военные песни и обожала лётчиков, (в Исилькуле стояла лётная часть), часто маршировавших мимо нашего дома. Увидеть их было счастьем, не успеть выбежать за калитку – трагедией. Та девочка уже была патриоткой, она любила Родину и её защитников.

Мне повезло: в младенчестве окружало меня столько любви и ласки (хотя это были военные тяжёлые годы), столько прошло мимо разных, прекрасных, людей, что не научить-ся душе любить человека, было просто невозможно. Большинство из этих людей – беженцы, с которыми мои родители делили кров, да и пищу, среди них и поволжские немцы, говорившие на русском с акцентом, что меня смешило. Часто у нас ночевали и папины сослуживцы – казахи из ближайших аулов, от них пахло степью и лошадьми. Всех я воспринимала, как свою семью, такую, большую, родню. Это приучило меня любить людей в независи-

мости от их национальности. А дедушка конюх и водовоз, греющийся на кухне чайком со мной на руках, (пока бабушка и мама освобождали бочку) просто вынудил меня любить человека не за профессию и должность.

Частые рассказы моих родных, родителей и бабушек о своих, очень непростых, трагических жизнях, заставляли душу сгорать от горя и ненавидеть зло, и задумываться о чувствах тех, кто это горе причинял. В тридцатом году мамина семья потеряла сразу трёх мужчин: бабушка – мужа, брата и сына, мама – отца, брата и дядю. Двое из них, ни в чём не виновных, были расстреляны. Разве это не моя биография? А половина деревенской родни пропадало на северах, и каждого нищего у нас пускали в дом, кормили, жалели и спрашивали, а не встречали ли вы?.. Нет, не встречали... Но долго рассказывали каждый о своём горе, как правило, это были освобождённые из лагерей бывшие заключённые, пытавшиеся добраться до своих родных мест, до своих родных, если были среди них выжившие. Как мне не любить и не жалеть нищих?

Не помню, в каком году у нас в классе появилась девочка калмычка. Когда я рассказала об этом дома, папа мне объяснил, как они попали в Сибирь, изгнанные из родных мест, лишённые крыши над головой и пропитания – и это тоже стало биографией моей души. В отроческие годы – развенчание культа личности, удар по всему тому, что любила и во что верила. Мне было жутко от того, что оказывается,

я любила тирана, и всё вокруг было ложью. В мои восемнадцать новый удар – папин арест. Фарс суда: во всём подтасовка и ложь, настолько неприкрытая и наглая, что даже мне, почти ребёнку, было стыдно за вершителей наших судеб. Следователь в самом начале следствия, почти за год до суда, явился на грузовике конфисковать имущество якобы с ордером от прокурора, но без подписи прокурора. И вывез бы весь наш нехитрый скарб, если бы я не увидела почти невидящим взглядом, что подписи то и нет.

А дальше, дальше драгоценный подарок: достойный во всех отношениях человек, великая любовь, дарованная мне жизнью, счастливое замужество, рождение дочерей. Частые и опасные болезни детей, страх за их здоровье и жизни – всё это тоже растило и формировало душу. А сколько было прочитано (разрешимого властью и тайного, запретного) и продумано. Читалось то с раннего детства, и тогда мне писатель казался волшебником, и жизнь познавалась не только личным опытом, но и через книги. Всё это тоже биография души. И врачебная работа, болезни, смерти больных, страдания и уход из жизни так же родных и друзей – всё почва для её развития.

Сочинять и рассказывать о том, что чувствую и думаю, я любила с детства, просто душа требовала осознать всё происходящее вокруг. Чаще всего это был мысленный разговор с несуществующим собеседником, но что-то оседало и на бумаге. Я всегда чувствовала это призва-

ние – рассказать другим о том, что открылось мне. Но... семья, дети, работа, потому и было чаще в мыслях, а не на бумаге. Казалось, что всё ещё впереди. А потом: девчонкам моим ещё только шестнадцать и девять, а у меня болезнь, операция и диагноз, которого все хотят избежать. И опять душе пища. Я вдруг остро поняла, что всё может окончиться просто завтра. А я не сделала то, что было для меня самым главным, я не сказала то, что должна была сказать. Позднее я узнаю притчу о талантах, данных человеку Богом, а тогда я просто почувствовала необходимость исполнить свой долг на земле.

И опять чтение, теперь уже открытой в перестройку литературы, и новое осмысление жизни и ответственности перед нею. «Исповедь» Льва Толстого и работы Павла Флоренского, Николая Бердяева, Владимира Соловьёва привели меня к Храму. В сорок шесть лет я сознательно приняла крещение. Но душа требовала полного осознания и погружения, и когда открылось Епархиальное духовное училище, я пришла в него. Такое начальное духовное образование. Громадную роль в моём формировании, как христианки, сыграл ныне покойный митрополит Антоний Сурожский, его проповеди, мысли, чувства. С приходом к Богу, я поняла, что главная цель земной жизни – найти Бога. Любовь, Сострадание, Милосердие и Покаяние – всё, чем живо православие, разве не этого жаждало моё сердце с детства. Мир изменился вокруг, он стал объёмнее во времени и пространстве. Я вдруг ощутила, что живу

в вечности, я просто её почувствовала. И писать мне стало легко, потому что всё открылось сердцу, но не без боли, ведь надо было пережить то, о чём писала. И всё, увиденное и прочувствованное мною в жизни, стало контекстом моих книг.

Часть первая:

Предстояние

* * *

Проникну в царство дикое —
Послушать тишину.
Скользит речушка тихая
По илистому дну.
Березы обнажённые
Глядятся в синеву,
И я, заморожённая,
Забуду, что живу.
Не помня и не ведая
О жизни ничего,
Ни радостям, ни бедам я
От сердца своего
Не отделию нисколечко:
Ни веку, ни судьбе.
Пускай стучит тихонечко
Сейчас само себе.

* * *

Над снежным обрывом висела
Берёза, дрожа на весу,
И облаком легким белела
Другая берёза внизу.
Одна, напрягаясь корнями,
Себе говорила — держись!
Другая, тугими ветвями
Летела в бездонную высь.
И обе хотели капли
И лета хотели до слёз,
И птицы весёлые пели
В ветвях у обеих берёз.

День поминовенья

Из шали поношенной выпростав ухо,
У кассы церковной глухая старуха
С печалью привычной просила монашку:
– Моих упокойных впиши на бумажку,
Пиши и считай, и получится девять...
Да ты не заботься, достаточно денег.
Мне пенсию платят по сорок целковых,
Не падкая я до сластей и обновок,
Скопила за зиму на поминовенье,
Чтоб всем упокойным – церковное пенье.
Барваре с Никитой: маманю с папаней
В тридцатом сослали на Север, на крайний,
Пиши ещё младших, Илюшу с Дуняшей...
Тогда из семьи-то, из бывшей, из нашей
Остались лишь я да ещё два братана:
Пиши, значит, следом Егора, Ивана.
Уж после, в конце предвоенного года,
Их тоже назвали врагами народа.
А я уже с мужем жила в это время:
Пиши и его, Александр Еремеев.
Мы после войны и не свиделись с Сашей,
Погиб не в плену, а в колонии нашей.
Теперь вот на всех отписали бумажки,
Мол, так получилось по чьей-то промашке...
Она вспоминала ушедшие жизни
Светло, не кляня ни властей, ни Отчизны.
Она притерпелась, она по привычке
Считала судьбу свою самой обычной:
Ведь всё на глазах, что родня, что соседи,
Кого миновали те годы, те беды?!
– Ещё запиши Александра – сыночка,
Тогда ему было четыре годочка.

Он пух с голодухи и плакал на койке,
И я принесла молока после дойки.
Немного мне дали, всего-то годочек.
Да помер в детдоме от кори сыночек.
Вот с Сашенькой-сыном ровнёхонько девять.
Как восемь? Считай, дай сначала проверить.
Но очередь сзади уже подпирала:
– Ну, вспомнила восемь, ну, что тебе – мало?
Старуха всем телом припала к окошку:
– Вот вспомню ужю, потерпите немножко.
И плакала память глазами сухими:
– Забыла, забыла девятое имя.
– Твое-то как имя? – монашка спросила.
– Пиши-ка – Мария, себя и забыла.
Помру, и поплакать-то некому будет.
Вздыхнула: – Спасибочки, добрые люди!
И с чувством исполненной славно работы
К окошку пустила другого кого-то.

* * *

Только, что ни говори
Про спасительные средства,
Если холод изнутри,
То снаружи не согреться.
Испаряется краса,
Не опознанная мною,
Возвращают небеса
Без остатка зло земное.
Самозванец власти рад,
Как старатель самородку,
Убивает брата брат,
Другу друг вцепился в глотку.

Позабывши обо всём,
О возмездии и сраме,
От насилья не спасём
Человека даже в Храме.
О, святые, где же вы?
Над Россией воздух спёртый,
Возвращается к живым
Зло мерзавцев, даже мёртвых.

* * *

Ах, полюшко, снежное поле,
С надеждой приходишь сюда,
И глянешь направо – приволье,
А глянешь налево – беда.
Высокие справа берёзы
Да чистая белая даль.
Налево – разруха да слёзы,
Гульба, маета и печаль.
Направо – Небесное Царство,
Где мир, тишина и покой.
Налево – людские мытарства,
Тяжба, нелюбовь и разбой.
Здесь плачут заброшенно дети,
Покинуто жёны ревут...
Есть Божия правда на свете.
Да люди без Бога живут.
Ты снегом, пречистое поле,
Сотри с нас проклятья печать.
Чтоб нам под Отцовскую волю
По правую сторону встать.

* * *

Холодно в доме, не топлена печка,
Чьё-то в ночи обмирает сердечко.
Хочется плакать, мечтать, и молиться,
И улетать невесомою птицей
В дальние страны, прекрасные дали,
Те, о которых мы в детстве мечтали.
Только найдётся ль такая на свете,
Где бы ночами не плакали дети,
Где б молодела счастливая старость,
Где бы и нам хоть немного досталось
Мира, покоя, любви и участия?..
Холодно в доме... В России ненастье...

* * *

Всё чисто, выметены горницы,
Легко и грустно уходить
Из комнаты, где я затворницей
Совсем не собиралась жить.
Зияет улица морозная,
Пространством душу леденя.
И след, оставленный полозьями,
Меня уводит от меня.
Путем испытанным, оплаканным,
Из неприглядных долгих лет
Туда, где счастья тоже нет,
Где нищенка в платке залатанном
И утешенье пахнет ладаном.

Нищий у церкви

Обросший и грязный,
В коростах и язвах,
Он молча стоял у ворот,
Не кланяясь, не обращая вниманья
На тех, кто ему подаёт.
Его прогоняли церковные люди,
Мол, грешник, и пачкаешь тут.
Он молча терпел,
Будто вымолвить слово
Был просто невысказанный труд.
И я проходила, не бросив монетки,
Решив, что пойдёт на пропой.
Смотрел сквозь меня он
Невидящим взором,
Должно быть, так смотрит слепой.
Я знала, что к каждому в жизни
Приходит, хотя бы однажды, Господь,
Чтоб после, на Страшном Суде Воскресенья,
Судить наши души и плоть.
Я в церкви молилась, надеясь, узнаю,
Когда и ко мне Он придёт...
...А Бог мой, голодный,
Раздетый и нищий
Стоял у церковных ворот.

* * *

В наш ядерный, безумный, оголтелый,
Расчетливый, бесстыдный, жадный век
От белой церкви песенка летела...
Оттуда, где какой-то человек

Без возраста, убогий, темнолицый,
Раскачиваясь, впавши в забытьё,
Всё пел и пел, забыв остановиться.
Всё выводил старательно её,
Свою одну-единственную песню –
Весёлый и ликующий мотив.
Умри, казалось, и опять воскресни,
Он так и будет, голову склонив,
Застывшими от холода губами
Бесхитростные выпевать слова,
И душу, что надеждою жива,
В морозный воздух выдыхать словами.

* * *

О, дай мне, Бог, не разочароваться
Ни в истине Твоей, ни в красоте.
И каждой проявившейся черте
Твоей в знакомых лицах изумляться.
В самой себе в молитвенной тиши
Преодолеть смятенье и сомненье,
Чтоб в глубине любой живой души
Найти Твоё земное отраженье.

* * *

Снег запоздалый выбелил поля.
Взяла его, как благодать, земля,
Как благодать беспамятного сна.
Без сожаленья отошла она.
Но разве бы смогла без сожаленья
Без веры в то, что будет Вокресенье?

Слово

Сначала по небу летело,
Прохладой в воздухе витало,
В ветвях зелёных шелестело,
И вдруг – на чистый лист упало.
Явилось, воплотилось, стало,
Осуществилось и созрело.
И было в нём начал начало,
И всё живое в нём звучало,
И жизнь моя в нём песней пела.

* * *

Как листья, шепчутся слова
И примеряются друг к другу.
Отпавшие, уже по кругу
Летят, как осенью листва.
Другие, осознав себя
В непостижимости явления,
Любовью строки укрепя,
Слагаются в стихотворенья.

* * *

Доброе несказанное слово
Жжёт гортань и леденит уста,
Почему его я не готова
Вовремя со дна души достать?
И оно, как сказочное семя,
Прорывает душу изнутри.
Погоди, отпущенное время,
Дай успеть его проговорить.

* * *

Когда вдали из ниоткуда
Возникнет лес
Таинственным зеленым чудом,
Придут с небес
Слова и щебетом весенним
Меня пронзят.
О, послезимнее веселье –
Смертельный яд.
Но если сердце истомилось
В земном пути,
То дай мне, Бог,
Твою же милость
Перенести.

* * *

Стихи мои – моя молитва к Богу,
Такую Он определил дорогу:
Искать слова, всем голосом внимая,
И находить, из сердца вынимая.
Чтобы кому-то помнились они,
Как светлые и сладостные дни.
Чтоб кто-то ими, как водой, умылся,
Чтоб кто-то с ними, как с родными, сжился,
Чтобы кого-то на крутом пути
Они смогли утешить и спасти.
(Окончание цикла – Слово)

* * *

Как под ливень вылететь
Босиком,
Так стихи рождаются –
целиком.
Слово к слову лепится,
не разъять.
Вот она – небесная
благодать.
Божий дар –
не каторга и не труд.
Просто сердце молнией
вспыхнет вдруг,
Осветив причудливым
светом мир.
В этот миг волшебный
ты – маг, факир.
Строчки самописные
со страниц
Отпускаешь вольною
стаей птиц.
Только громом грянет вдруг
немота:
Пауза, отчаянье,
темнота.
...Сколько снова топать да бедовать,
Чтоб вернулась Божия благодать.

* * *

Ищет душу живая душа,
Унижая себя и греша,
Одинокого горя страшась,
Ищет душу живая душа.
А находит житейскую грязь,
От которой отмыться потом
Удается с великим трудом.
А потом?.. А потом... чуть дыша,
Ищет душу живая душа.

* * *

Ко всенощной службе, на бденье,
Ночное светило встает.
Из Храма, исполнен смиренья,
Расходится Божий народ.
И даже привычное горе,
Как будто, глядит веселей.
Утихло житейское море,
И мир на ладони Твоей.

* * *

Пост Филиппов, белое безмолвье...
Даже птиц не видно на снегу,
Стёрты ноты, но на полуслове
Оборвать молитву не могу.
Твоему Святому Рождеству
Я, придя вослед за пастухами,
Стану петь по чистому листу
Из души встающими словами.

Всё упорство ледяной зимы,
Всё терпенье моего народа
В час великий Твоего прихода,
Бог, и Царь, и Человек, прими.
На руках дрожащих, на весу,
Я Тебе в холодную пещеру
Всё своё богатство принесу:
И Надежду, и Любовь, и Веру.

* * *

После Крещения дело к весне
И на родимой моей стороне.
Вьюгам-метелям ещё бушевать,
Птицам да нищим ещё бедовать.
Досуха выжмет ещё нас зима:
Встретят кого-то сума и тюрьма,
Столько добавится вдов и сирот,
Столько, весны не дождавшись, уйдёт.
Поводов будет немало для слёз,
Иней осыплется с белых берёз.
Слышишь, сорока несет на хвосте
Горькую весть о Великом посте,
Видно, действительно, дело к весне
На оскудевшей моей стороне.

* * *

Зима, как смерть Христа.
Весна! Сними с креста

Предстояние

Пью лекарство леса, неба синеву,
Радостью молитвенной, грешная, живу.
Светом наполняется нищая душа,
Зорче очи сердца, медленнее шаг.
Вечность дышит хвоей, холодит лицо,
Не сбежишь, не спрячешься, далеко крыльцо.
Тыщи верст до дома, снег и тишина,
Перед тайной жизни я сейчас одна.
Припаду к шершавой ледяной коре,
Душу поднимая к пламенной горе...
Дольнее исчезло где-то там, вдали...
Здесь: скрещенье Сердца, Неба и Земли.

* * *

Покажется: рукой до Бога,
Чуть потянешь – такая даль.
...Стопам нелегкая дорога
И сердцу долгая печаль.

* * *

Когда совсем запутаюсь в силках,
И станет шаткой жизнь до основанья,
В мои ладони хладная рука
Опустится с небес для целованья.
О, что мне делать после всех потерь?..
Земным мерилom бездны не измерить.
И снова, открывая к свету дверь,
Я так хочу надеяться и верить.

* * *

В церкви гаснут огни,
Догорели все свечи...
Ощущение чистой
И радостной встречи.
И предчувствие сладкое
Дома родного,
Словно жил здесь
И вот возвращаешься снова,
Чтоб с порога, в притворе,
Упасть на колени,
Не услышав ни слова,
Ни вздоха упрека.
Я свободна была
В исполнении срока,
Но, прощённая,
Всё же молю о прощенье.

* * *

Столь, Господи, виновна перед Тобой...
Молю Тебя, забудь про справедливость.
Одна надежда: на Твою любовь
И на Твою немислимую милость.

* * *

Не списать всех грехов на незнание,
Если сердце подвластно уму.
Призывая других к покаянью,
Надо каяться самому.

На улице Тарской

Что тут мерки: не по меркам
Различает взгляд живой.
Дом, где суд, и Божья церковь
На одной стоят прямой.
А еще чуть-чуть повыше,
Там, где старые дома,
В окруженье стен и вышек
Расположена тюрьма.
Чья-то мать с утра до ночи
То оттуда, то туда.
Слезы выели ей очи,
В ожидании суда
Тут и там пощады сыну
Молит, плача у ворот:
– Ни про что парнишка сгинул,
А в солдаты через год...
Там бы он своё упрямство,
Может, как-то превозмог.
...Только вон у Кати Брянской
Взял... повесился сынок.
Говорили мне соседки,
Может, взяточку б кому.
На язык-то все мы крепки.
А коснётся... что к чему?
На такое как решиться,
Как себя переступить?
Видно, чистую водицу
Илом лучше не мутить.
А вчера ещё старухи
Нашептали, страх берет,
Про судейских. Может, слухи,
Может, всё же пронесет.

Разберутся, кто тут правый...
Шаг оттуда, шаг сюда:
От суда с недоброй славой
До Последнего суда.

* * *

Влекомая не разумом, но чувством,
Россия, зазеркальная страна,
Каким Творца неведомым искусством,
В конце концов, ты будешь спасена?
Через какие пропасти и горы
Нас провести опять решится Он,
Какого нам ещё достанет горя,
Чтоб разум с чувством стал соединён?..

Праздник рождества в колонии для мололетних преступников

Убиенные наши дети,
В ваше логово огороженное
Дверь одна... вторая... за третьей:
Ничего не осталось хорошего.
Только проволока колючая
Черной нитью по небу тянется,
Да подарком, от случая к случаю,
Если есть родные, свиданьице.
Ну, а нет – наберись терпения.
Если ты изгой с колыбели,
Можешь выть по ночам в постели,
Только это здесь нарушение.

В стылом зале молчанье виснет
Напряжённое, невесёлое,
Невесёлые ваши мысли
Ощутимые и тяжёлые.
Вы родня мне, по мукам кровная,
И за выпавшие мучения
Я, пред вами ни в чём невиновная,
На коленях прошу прощения.
И прощаю вас, виноватых,
За безверие и страдание,
За убийство душ непочатых,
За иного пути незнание.
А с убогой сцены Владыка
Благовещет вам о спасении.
От рожденья хлебнувшим лиха,
Вам, утопленным в прегрешении.
И встаёт Рождество Христово
Светлой Истиной обновления,
Обещанием жизни новой,
Отрицанием преступления.
Пацаны, уркачи, волчата,
Продирается сквозь неверие,
Сквозь наивное лицемерие
Воскресение душ распятых.
Двое к сцене подходят робко,
Чтобы духа хлебнуть домашнего,
Оставляя себя вчерашних,
Называются – Саша... Ромка...
Я надеюсь на вас, однодельцы,
Заключённые Рома, Саша,
Как и матери ваши надеются,
На второе рожденье ваше.
Не дожидаться свободы страшно,

Ждите, как бы душа ни горела.
Пацаны мои, станьте в дне завтрашнем
Однодельцами доброго дела.

* * *

Бежать вперёд, не для того, чтоб в новом
Чего-то ждать зовущим жадным взглядом,
Но для того, чтоб быть всегда готовым
Вдруг обернуться и увидеть рядом
Всё прошлое, прикосновенно-близко:
Дороги долгой сладостную слякоть.
Сомнительную прочность обелиска
Рукой проверив, каяться и плакать.

Введение во храм

Войди во храм, Прекрасное дитя,
Сосуд, избранный Богом для мессии.
На белые снега моей России
На миг взгляни, в священный храм входя.
Пойми, почувствуй чистым детским зреньем,
Как глубоки они и холодны,
Стань навсегда Великим Утешеньем
И для моей далёкой стороны.
Заступница, смотри, как мы убоги,
Как сиры мы и как несчастны мы.
Мы в поисках пути сошли с дороги.
Спаси, очисти души и умы...
Над родиной моей опять восходит
Кровавая недобрая заря.

В святилище входя, замри при входе...
И оглянись на нас из алтаря.

* * *

И был вечер...
И было утро...
И всё устроено было мудро.
То, что казалось невыносимым,
Вдруг обернулось вполне терпимым.
Но сколько длилась ночная битва,
Об этом знают Бог да молитва.

* * *

Всё на ладони,
Рядом и близ.
Птица уронит
С дерева лист,
Ветер коснётся
Кожки рукой.
Снова вернётся
В душу покой.
Может быть, снова,
Всё наверх став,
Чистое слово
Скажут уста.

Вдруг Божию милость
Увидеть во всём.
Сладко и страшно
Наивно подумать,
За что?!
Тайную дверь открывая
Ключом золотым.

Светлане Бородиной

Живу, как птица, не жалея крыльев,
И голоса для песен не жалея.
Невидимые двери мне открыли
Небес высоких гулкие аллеи.
За всё плачу то перышком, то ногой,
Сыта слезами каждая удача.
И, набирая высоту полёта,
Я жизнь свою, за каплей капля, трачу,
Чтоб петь для вас, паря под небесами.
Вот он настал мой час, мой день, мой год.
А девочка с поющими глазами
И пёрышки, и слёзы подберёт.

* * *

Чего ещё душе желать и жаждать,
Чего ещё, когда закат угас?
Какая мысль не покидает нас
И кажется заманчивой и важной?
О прошлом ли скорбим, о вечном ль грезим,
У пропасти в плену, иль высотой пьяны...

Дай знать, Господь, спасительно и трезво –
Обмана или истины полны.
Не дай сбежать в губительные грезы,
И, как бы ни хотелось слаще жить,
Пусть лучше много раз нахлынут слёзы,
Святая правда – выше всякой лжи.

* * *

Глянул однажды Господь сверху
Синими глазами небес,
Снял с меня, грешной, мерку –
И исчез.
Брожу по земле измеренной,
В небо душой звоня,
Не оставляй потерянной.
Как я в Тебя, верь в меня.

* * *

Какая синь на зимнем небе,
Когда рассвет невдалеке.
Стоят безмолвные деревья,
Склонясь макушками к реке.
И сердце пестует надежду,
Как птичка Божия в руке.

* * *

Распростёр Господь два крыла
Над землей, где и я была.
И под сенью бескрайних крыл
Краткий миг мир бессмертным был.

* * *

По листьям опавшим, просекой,
Иду и молчу...
Дудочка Твоя, Господи,
Захочешь, и – зазвучу.
И птицы Твои небесные
Вдруг прилетят ко мне,
Услышав простую мелодию
В Божественной тишине.

* * *

Крещенскую воду
С Пасхальной
Мешала. И сладко пила.
Дорогою жёсткой и дальней
Ногами весёлыми шла.
Попутчиков было немало,
И было нескучно в пути.
Кукушка не зря куковала:
Оглянешься – не с кем идти.

* * *

Не допусти опустошенья
Души, и жизни, и земли,
Оставь хоть краткие мгновенья
Надежды, Веры и Любви.
И это призрачное, бабье,
Так затянувшееся лето
Пусть будет неба светлой рябью
Защищено и обогрето.
Пусть будет... И встает навстречу
Рябины придорожный куст,
И листья пламенные – речью
Слетают с молчаливых уст.

* * *

Зачем так красива осень
Предельно прозрачным небом,
Немыслимым буйством красок?..
Чтоб мы не боялись смерти,
Чтоб мы научились видеть
И в ней красоту живую?..
Но разве не больно листьям,
Когда, распрощавшись с жизнью,
Они опадают наземь?..
Какая им смерть желанней –
Растаять в костре веселом,
Истлеть в земле под ногами?..
О Господи, научи нас
И в смерти продляться жизнью.

* * *

Всё золото уже упало
К ногам моим. Шуршит листва.
Чего ждала, о чём мечтала,
Что только грезилось едва –
В себя мгновение впитало.
Холодный воздух сух и чист.
Душе не много и не мало,
Она сама как зрелый лист.
Сегодня ей, привычно-стойкой,
Всё по нутру и всё к добру,
И горько-сладкая настойка
Поры осенней поутру.

* * *

Это слёзы мои с ресниц,
Словно листья, слетают вниз.
На траве золотой настил,
Видно, Бог пожалел – простил.

* * *

Зачем душа предчувствием томится,
Да будет ли ей, чем сейчас, страшней,
Когда она от тела отделится,
И прах земной не полетит за ней?
И разве всеми муками земными
Не отстрадала, не искуплена?..
Какими же грядущими, иными
И грезит, и печалится она?

Так ждёт дитя в тревоге и смятенье
Карающей руки прикосновенья.
Во всех проказах кается оно,
Заранее любовью прощено.

* * *

Очнуться вдруг нечаянно в судьбе...
Вослед звезде, в ночи блеснувшей ярко,
Обрадоваться миру и себе,
Как самому желанному подарку.
И дальше жить не так, как прежде жил,
А изо всех своих забытых сил.

* * *

Вот и первый снежок, неожиданно робкий.
Осторожен младенчески каждый шагок.
На крыльцо, на бельё на дворовой верёвке,
На брезентом покрытый соломы стожок.
Пахнет коркой арбузной, потерянным летом,
Усмирённой природой в конце октября...
Неужели душа получает ответы
На вопросы, казалось, звучащие зря?

* * *

Лес... Кружев волшебство
На блёклом фоне.
В любой обители Его,
Как на Афоне.

В любом углу земли,
Пустом и строгом,
Внемли.
Безмолвный, ты услышан Богом.

* * *

В полночный час, когда на небе звёзды,
Когда душа очищена слезами,
Что к нам приходит явью или снами
Сквозь годы невозвратные, сквозь вёрсты?
Какая связь невидимая длится,
Ответь мне, вечность, рассекреть секрет.
Но проникает в душу звёздный свет
И оседает солью на ресницах.

* * *

Жизнь моя стекает в строки,
Изливается в слова.
И опять она права –
Для всего приходят сроки.
Время – сеять, время – жать,
Время плакать над словами,
В добрый час проститься с вами,
Чтоб в лихой не провожать.
Было время. Вышел срок.
Десять строчек на бумаге.
Дай, Господь, ещё отваги
Да ещё хоть пару строк.

* * *

Оставь меня на этом берегу,
Где так легко дышать осенним небом,
Где каждая деталь – последним хлебом,
Где я перед Тобой собою быть могу.
Где все моё – Твоё, и умереть не страшно,
Как положить дитя в надежную ладонь,
Где бедная душа корабликом бумажным
Отважно поплывёт – дыханием затронь.

* * *

Уже до края несколько шагов,
И вечностью из всех углов несёт.
Зачем считать оставшихся врагов,
Когда друзей уже наперечёт?
Не торопись, мой закадычный враг,
Мой друг, не научившийся любить,
Пусть будет мирен наш последний шаг...
Как мы простим, так нас и Бог простит.

* * *

Найти свой Дом –
Его Святой объём,
Где прошлое картинами живыми
Впечатано навеки в Божье имя,
Где льётся песня вешняя скворца,
Где длится жизнь без края и конца...
И наблюдать в пространстве временном,
Как дом земной втекает в Вечный Дом.

Бедному сердцу
Затмение это зачем?
Чтобы увидеть,
Как собственным слабым свеченьем
Смело оно вырывает
Пространство у тьмы?
Если даруется Господом
Умное зренье,—
Рушатся стены
Построенной страхом тюрьмы.

* * *

На травах зрелых настоян воздух,
О прошлом плакать ещё не поздно,
Не поздно каяться и молиться,
И к небу душу направить птицей.
Пусть слёзы пролиты в изобилье,
Но так ей легче расправить крылья.
Свобода высшая — покаянье.
Играет солнце на зорьке ранней.

* * *

Всё стихло в наступающей ночи,
И даже ветер не решался дуть...
Лишь было слышно, как сова кричит
В заброшенном соседями саду.
Но вдруг сове ответил соловей,
И трели полились со всех сторон...
И если это был всего лишь сон,
Он был необходим душе моей.

И я молилась Спасу и Творцу,
В который раз спасающему нас.
Луна клонилась к моему крыльцу,
И слёзы сами капали из глаз.

Молитва

Не живу на земле, а мучаюсь...
Радость в сердце от случая к случаю.
Ты утешь меня, Господи, грешную,
И прости меня, безутешную.
Научи своим оправданиям,
Может, я смогу с опозданием
Чуть приблизиться к светлой Истине, –
Научи меня жизни искренней.
Просвети Собой путь-дороженьку,
Может, я смогу стать хорошею
И во имя Твое пребелое
Себя, грешницу, переделаю.

* * *

Душе, грехами искушённой,
Мне сладко быть Тобой прощённой.
Но слаще – всех самой простить...
С Тобой связующую нить
Прощением восстановить.

* * *

Я молчу. Откричалась...
Иссякли слова.
Но душа бессловесной молитвой жива.
От лица дозревая до Лица,
Для безмолвного вещего крика.

* * *

Такая в доме тишина,
Всё суетное – от порога...
В душе такая тишина,
Что слышно в ней дыханье Бога.

Часть вторая: ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ... ЧУЖАЯ
БОЛЬ... ЧУЖОЕ ГОРЕ...

* * *

Зажёгся свет, за шторами в окне —
Чужая жизнь. Так было, есть и будет:
Мелькают чьи-то тени на стене,
Там ходят, говорят, смеются люди,
Стоит в обнимку пара молодая,
У изголовья сына мать седая...
И радость их и горькая беда,
Как подо льдом текущая вода.
...Есть у меня свой дом, очаг и свет,
И жизнь моя течёт в своих границах,
Но навсегда в душе оставив след,
Мне жизнь чужая грезится и снится.

Домик на окраине

Одно окошко в улицу,
Одно во двор,
В котором клюнет курица —
И весь простор.
И в огороде грядочка
Лишь на погляд,
Скорее, для порядочка —
Своя ж земля.
Своя у дома лавочка —
Людей глядеть,
Своя гармонь-трёхрядочка,
Чтоб песни петь,
И жизнь своя. Не шибкая,
Да и не брос.
То рядышком с улыбкою,
А то и врозь.

* * *

Счастливая душа
По-своему живёт,
Счастливая душа
По зёрнышку клюёт.
Согреется в мороз
Единственным лучом,
Спасётся от жары
Единственным листом.
Меж выгоревших трав
Зелёная трава –
Счастливая душа,
Что малостью жива.

* * *

Нам немного отпущено веку,
Просто так улыбнись человеку.
Может он, оглянувшись мне вслед,
Улыбнётся кому-то другому.
И от дома потянется к дому
Доброты человеческой свет.
За оградой сентябрьского сада
Тихо яблоня веткой качнёт,
И откроется яблоко взгляду
Золотое, как солнечный мёд.
Свет осенний, неровный и зыбкий,
Добирает оно не спеша.
... Так от каждой дарёной улыбки
Дозревает живая душа.

Память

Старушка у калитки
Газеты раздаёт.
Прохожий осторожно
Листки из рук берёт.
Она их сохранила,
Как память сберегла:
В них всё, в чем в дни невзгоды
Страна её жила.
Там уставали дети
Дыханьем руки греть,
Голодных и озябших,
Она учила петь.
Гремело в школе эхом:
«Вставай на смертный бой!»
И согревались дети
Той песнею одной.
А вечером – газета,
Коптилки дым в глаза,
И падала на строчки
Тяжёлая слеза.
Хранят страницы эти
Следы утрат и слёз.
Ах, если б сын вернулся,
Уже бы внук подрос...
Летят, летят страницы,
Как голуби из рук.
И кажется, что время
Остановилось вдруг,
И кажется, по сыну
Звонят колокола...
...Из старых рук газету
Я бережно взяла.

* * *

Я песенку пела про чудо
И в небо ночное взглянула,
Но вечность дохнула оттуда,
Как будто из тёмного сада
Волной накатила прохлада
И губы молчаньем замкнула.

Последняя дорога

Большая, страшная старуха...
Она ходила в гости к нам,
В ладонь покашливая глухо,
Снег, прилепившийся к пимам,
Сметала веником. Снимала
Видавший виды кожушок
И тряпку в уголок бросала,
Ей заменявшую платок.
Москвичка, «барыня», вдова...
Расстрелян муж, ей – поселенье.
Все были отняты права,
Оставлено одно терпенье.
Чтоб в побирушках не ходить,
За керосин, картошку, ужин
Она хотела заплатить
Трудом, моей семье не нужным.
На табуретке у окна,
Картошку чистя неумело,
В какую даль она глядела,
Какую речь вела она:
– Я пролила немало слёз,
По не рождённым детям плача...

А это счастье и удача,
Теперь-то знаю – Бог пронёс!
Ах, сколько б им досталось горя...
С ней не решалась мама спорить.
И в наступавшей тишине
Темно и страшно было мне.
Она ходила много лет,
А тут неделю – нет и нет.
Сказала мама: – Умерла,
Живая бы уже пришла.
И мы отправились за ней.
На огородах в сараюшке,
Уже иссохшая, в огне,
Лежала жалкая старушка.
Земля под снегом остывала,
Снежинки щёки мне секли.
Закутанную в одеяло,
На саночках мы привезли
Её в районную больницу.
У докторов застыли лица,
Дежурный врач сказал: – Принять!
Её забрали и раздели,
И положили умирать
На государственной постели.
По кабинетам и чинам
Ходила мама с просьбой слёзной,
Чтоб хоронить отдали нам.
Увы! Все было бесполезно.
И в пятьдесят втором году
Без гроба, в нищенской могиле,
На счёт казенный хоронили
Последнюю в своем роду.

* * *

Играет музыка в бору,
Пронизанная солнцем,
О том, что было по утру,
И больше не вернётся.
Играет музыка, хоть вой,
Так весело и звонко,
Что дятел бьётся головой
О чахлую сосёнку.

* * *

Приеду в городок районный,
На улице глухой и тёмной
У лавочки остановлюсь,
Спрошу старушку: – Ты, тёть Дусь?
– Да я-то, я. А ты вот чья же? –
И губы строго подождёт,
И слезы фартуком смахнёт:
– Подумать, не узнала даже....
Гляжу одним, стучу клюкой,
Почти совсем слепая стала.
– А дядя Федор? – Неживой,
Уж я по нём погоревала.
Ушёл... А тут терпи, как хошь.
– А что же к детям не идёшь?
– А дом?! Бывало, в бабье лето
Его побелим, будто света
В миру добавится ещё,
От счастья сердцу горячо.
Собаку нашу помнишь, Лайну?
А наш хмельной ядрёный квас?

Всего тут было про запас...
...Искал напрасно зрячий глаз
Несохранившуюся тайну.
Валялся у ворот топор,
И ставни на ветру стучали.
Кружило небо, дом и двор
Неустоявшейся печалью.
Спиной разбитого стекла
Касаясь, прикорнула кошка,
И капелька росы стекла
Слезой с незрячего окошка.
Клюка старухи обошла
Весь круг и под ноги легла.
– А тут, хотение б да руки,
И дети жили бы и внуки...
Да только им ничё не надо,
Они хотят как легче жить...
При разорении души
Не жди спасения уклада.
По уголькам по пепелищу
Несостоявшихся побед
Слепая жизнь брела, как нищий,
Которому надежды нет.
Утратив свет тепла и лада,
Жизнь угасала, не дыша.
При разорении уклада,
Не сохраняется душа.

* * *

На родине моей
Старухи горько плачут.
Им вновь на склоне дней,
Жизнь задала задачу.
А прошлые деньки
В заботах, бедах, стонах,
Как старые платки,
Истлевшие в ладонях.
Старухи вдаль глядят
Незрячими глазами.
О чём они молчат
Между собой и с нами?
О том, что рядом дверь,
Да жутко у порога,
Кто примет их теперь,
Проживших жизнь без Бога,
Какой их встретит ад,
Некаявшихся, грешных?...
Им там страшней сто крат,
Чем в жизни безутешных.

* * *

Беснежные зимы горьки.
В них резки, пронзительны ветры,
И мерят посадок рядки
Промёрзших степей километры.
И думаешь: «Боже ты мой,
Откуда тут быть изобилью?»
И веет над мёртвой землей
Такою же мёртвою пылью.

* * *

Построен дом добротню,
А рядышком изба.
В дому живут вольготню,
В избушке – голытьба.
В дому шумит застолье,
В избе молчит печаль.
В дому всего довольню,
В избе морковный чай.
В дому всегда веселье
И торжество всегда.
В избе с утра похмелье,
А к вечеру – беда.
Сказала как-то: – Дай-ка,
Поговорим с тобой,—
Домовая хозяйка
Хозяйке избяной.
– Женили мы Андрюшку,
Живём теперь с трудом,
Снесём твою избушку,
Построим детям дом.
Тебе за эту рухлядь....
Да, погоди не ной.
Тут триста, рублик в рублик,
И ...погоняй, не стой,
Ищи домишко новый,
Не то, душонка вон,
Прознает участковый,
Что гонишь самогон.—
И похвалилась мужу,
Довольная собой:
– Где надо, я не струшу,
Покончено с избой.

Бери теперь две тыщи,
Начальников дарить,
Чтоб к осени – домище,
Чтоб детям вольно жить.
...До ночи строят планы.
В доме горит окно.
В избе стучат стаканы,
В избе от слёз темно.

* * *

Пьёт, по чёрному, Россия,
И взахлёб, и через край,
Будто не про нас Мессия,
И не нам обещан рай.
Эх, Россейская погодка,
Тут – что выть, что песни петь...
 Может, если бы не водка,
 Сил бы не было терпеть?

Современница

Я знаю не по слухам
Ту степень бытия,
Где числится старухой
Ровесница моя.
Приучена к работам
Киркою и кайлом,
Её как будто кто-то
Определил на слом.
У ней не руки, крюки,
Не ноги, чурбаны.

Ей не до жиру – брюки,
Прикрыться бы – штаны.
Ей отдохнуть пора бы,
Добытчицей бежит.
Она по телу баба,
А по нутру мужик,
А по натуре лошадь,
Заезжена судьбой,
Ей то, что и поплоше,
Дается через бой.
Притащится с добычей,
Уставится в окно,
Там серенький налчник
И старое кино:
Не голуби под крышей,
А только воронье.
Такой тоскою дышит
Отчаянье её,
Желаньем испариться,
Исчезнуть и не быть.
Сил не было влюбиться
И времени – любить
И выйти замуж. Сложно
Детишек нарожать.
И жить ей невозможно,
И страшно помирать.

Восьмого мая в вечернем трамвае

Один над ним смеялся неприкрыто,
Другой молчал, плечами пожимал,
А третий гневно тыкал, – это ты-то,
А ну, сопляк, скажи, ты воевал?
А он, чудак, мечты свои хмельные
Опять приняв за явь, сиял лицом.
И плёл, и плёл, про раны боевые,
Как будто вправду был тогда бойцом.
Забыв на время жалкую квартиру,
Убогий быт, гнилую тишину,
Он видел, как расстреливали Иру,
Придуманную верную жену.
Он вдохновенно врал, его, мальчишку
Тогда, казалось, обошла война,
Всё то, что слышал, вычитал по книжкам,
На публику вываливал спьяна.
И пусть ему начальник нынче утром
За пьянку, за прогулы дал сполна,
Он гордо грудь выпячивал, как будто
На пиджачишке рдели ордена.
Он вырос, безотцовщина, по тёткам,
По бабкам, по соседкам, по углам,
И сам себя считал пожившим, тёртым,
Всё хвастался, мол, сам себе с усам.
Но каждый раз, когда на сцене в зале
Усталых ветеранов видел он,
Захлёбываясь горькими слезами,
Вдруг понимал, что чем-то обделён.
И, спрятавшись за верстаком в слесарне,
В том гараже, где прежде шоферил,
Пил за себя ли, за того ли парня
И втихаря начальство материл.

...В полупустом предпраздничном трамвае
Он гордо выступал, как ветеран,
От выпитого тяжело вздыхая:
– Вот, задыхаюсь, – говорил, – от ран.
Душа его бесхитростная знала
Жизнь бросовую, скудную свою,
Но как она парила и дышала,
Как сочинять умела во хмелю.
И, может, он забыл бы штучки эти
И завязал, и никогда б не пил,
Когда б его, такого, полюбил
Хоть кто-нибудь, хоть кто-нибудь
на свете.

* * *

Из жизни он вычеркнут был,
Все знали, задолго до смерти.
Два года, по чёрному, пил,
Ночами мерещились черти,
Вздыхала родная сестра,
У гроба стояла, не плача.
И думала, – всё же удача,
Что умер легко он вчера.
Чего было в будущем ждать? –
Бездомную пьяную старость?!
Нет, это взяла его мать,
Чтоб дальше ему не страдалось.

Государственные дети

Ещё не зная адрес точный,
Я этот дом нашла с трудом.
Среди имеющихся прочих
То был: «хороший детский дом».
Непостижимо сочетанье,
Но что поделывать, коли есть.
И наказанье или честь
Чужое ощутить страданье?
Не восхищаюсь в изумленье:
– Ковры, игрушки, стеллажи!
Пошли мне, Господи, терпенье
И укрепление души.
И холод укроти сосущий,
Умерь неровный сердца стук.
Здесь двадцать восемь глаз зовущих.
И двадцать восемь детских рук,
Ко мне протянутых с вопросом:
– Ты мама?– Я сказала:– Да!
Быть мамой, кажется, так просто,
Но эти дети никогда
Не испытают насыщенья,
Хоть тыщу раз произнеся:
– Ты мама.– Именем священным
Защиты у судьбы прося.
– Моя, моя!– кричали дети.
Дрались ожесточенно, зло.
О! При каком же чёрном свете
Зачатье их произошло?
Во тьме, за тысячью дверей,
Их «мамь» где-то жили-пили.
Не материнства их лишили,
Вот этих деток – матерей.

А те – они своё возьмут,
Ещё десяток нарожают,
Звериный завершится труд
Неполноценным урожаем.
Ко мне тихонько прижимаясь,
Мальчишка ласковый стоял,
Щекой руки моей касаясь,
– Ты – мама! – с нежностью шептал.
– Ты – мама?! – Мама, Витя, мама, –
Да жаль, сыночек, не твоя.
Твою-то маму носит, знамо,
Другая, страшная земля.
Немая девочка Кристина,
Дочь мусульманского отца,
Тебя на муки окрестили
Твоих родителей сердца.
За их грехи и за уродство
Неполноценных тёмных душ
Терпи, дитя, тyani свой гуж.
И пусть отличие, не сходство,
От этой призрачной родни
Тебя навек отъеденит.
Еще как будто есть надежда
Тебе сейчас заговорить.
Твои родители-невежды
И эту тоненькую нить
Уже чуть-чуть не оборвали
Своим отказом от тебя.
Они, одних себя любя,
Тебя домой возьмут едва ли,
Но на секунду, на мгновенье
Прижмись к моей щеке щекой,
И в ожиданье перемены

Недолгий обрети покой.
Быть воспитателем у вас –
Какой душе по силам это?...
Быть с вами рядом, не сломясь,
И знать, не сменит зиму лето,
Всё будет так и год, и два,
И бесполезны все слова.
А я всё вижу, Боже мой,
Ко мне протянутые руки.
Звучит исполненное муки:
– Меня
 меня,
 меня возьми
 домой!

* * *

Я научилась отстраненью.
Душа, не в силах боль вместить
Не сделав шаг к самосожженью,
На грани умудрилась жить.
На острие невыносимой,
Неладной, жизни. Боль сама
Из страшной и неугасимой
Привычной стала, как тюрьма,
Где слёзы каждый миг не льются,
Где тоже дышат и живут,
Едят, ложатся спать, смеются.
Где свой, тюремный, есть уют.
Душа смирилась, притерпелась,
Душа молитвой спасена,
Но как бы ей в аду ни пелось,
А всё же рая ждет она.

Новостройка

Строят заключённые
Вкруг тюрьмы забор,
Проволкой колючею
Украшают двор.
Строят с прибаутками,
С крепким матерком,
На Руси, как водится,
Отроду знаком
С делом этим каторжным
Всякий человек.
Этому – на времечко,
Этому – на век.
Скоморохом вертится
Недоросток зэк.
Будто терем любушке
Строит, так поёт.
Вдоль забора девочка
Складная идёт.
Он по эту сторону,
А она – по ту,
Не стереть незримую
Чёрную черту.
И на землю грешную
Набегают мгла,
Песня развесёлая,
Да горьки дела.
Жизнь свою несладкую
Прежнюю любя
Строят заключённые
Крепость для себя.
Строят и надеются:
За хороший труд –

Не медаль, но всё-таки,
Меньший срок дают.

* * *

Всё в Божьих руках,
Но высокое чувство тревоги
За мир этот странный,
Несчастный, убогий, больной,
Как спутник, с которым,
Увы, по дороге.
Оно, как душа, как судьба,
Постоянно со мной.
И плачут берёзы,
Осины осенние стонут,
И машут ветвями
Седые ряды тополей.
А жизнь так бездонна,
Темна, неизбежна и в омут
Затянет, утопит, погубит,
А после – жалей.

* * *

Неухожена лошадка,
Ишь в навозе все бока,
Оттого везти не сладко,
Неохота седока.
А седок седой и старый
В телогреечке худой
Неухожен ей по пару.

Бородёнку взяв в ладонь,
С грустью смотрит на дорогу,
Что плывёт из-под колёс.
– Вот бы мне вторую ногу,
Я б тебя пошибче вёз.
Я б тебя допёр мгновенно,
А не так, как ты с ленцой.
Лошадёнка равномерно
Продолжала бег трусцой.
Дед воздерживался сильно,
Чтоб её не материть.
– Эта ж подлая скотина
Может вовсе не пойтить.
Я ж её поганый норов
Изучил за стоко лет.
Вот уеду к детям в город,
Будешь плакать, али нет?
 Так срослись в одной дороге
 Две судьбы на склоне дня,
 Две нелепых и убогих –
 Человека и коня.

* * *

Сломали ветку –
 живо дерево.
Надломили верхушку –
 дерево пошло вширь.
Ободрали все ветви –
 ствол покрылся большими
 зелёными листьями.

Спилили ствол –
от пня потянулись к солнцу
три крепких побега.
Выкорчевали пень...
...Но где-то глубоко в земле
Остался один маленький корешок.

Жизнь

Что хулить её, что хвалить,
Ничего в ней не переменится.
Всё смешалось, не отделить.
В этой старой и хитрой мельнице
Мука с радостью вместе мелются.
Так и так один непокой,
Если хлеб из муки такой.

* * *

Мне жизнь моя не застилает глаз.
Мне боль моя не заслоняет сердца,
Мне от чужой никак не отвертеться.
Простите люди, что пишу о вас,
Хоть ваших бед устойчивое пламя
Не погасить ни словом, ни строкой,
Что, не умея подарить покой,
Лишь горевать умею вместе с вами.

* * *

Глазу нужен простор,
Как надежда – душе.
Льды ведут разговор
На реке Иртыше.
На крутом берегу
Я замру, чуть дыша,
Сохраню, сберегу
Всё, что примет душа:
Запах талой земли,
Лета прошлого лист,
Птичий, эхом вдали,
Угасающий свист,
Ветки сломанной хруст,
Вдоль реки камыши,
Вместе – радость и грусть,
Обновленье души.

* * *

Перед займищем на лугу
Кобылица колышет гривой.
Я, бессильная, не могу
Удержать этот миг счастливый,
Эту радость внезапных слёз,
Сочетанье любви и муки.
Тихий ветер с собой принёс
Угасающей жизни звуки.
Деревенька на берегу,
Островок человечьей боли,
От беды твоей убегу
Плакать в поле, мечтать на воле...

Оберегая от чужой печали
Свое неполноценное житьё,
Её, живую, мы не замечали,
И мёртвую не видели ее.

* * *

– Всё хорошо, прекрасная маркиза, –
Над нами насмехаясь, голос пел.
Давили сверху, спереди и снизу,
Всё меньше было тех, кто уцелел.
Но всё равно, – все хорошо, – звучало
В устах маркизов и в ушах маркиз.
Пластинку эту ставили сначала,
А жизнь катила круто вниз и вниз.
Иссякли реки и земля горела,
И радиоактивный дождик шёл,
Но всё равно звучало то и дело:
– Прекрасно всё и, значит, хорошо.
Жизнь повернула вдруг в другое русло,
Маркизам потревожила уют,
Но где-то с нестареющим искусством
– Всё хорошо, всё хорошо, – поют.

* * *

Что же ты плачешь, нищенка,
Нищенство – полбеды.
Пусть не имела лишнего
Ты за свои труды,
Но оглянись, на паперти
Столько твоих подруг...

Эх, самобранку скатерть бы
Кто-то раскинул вдруг.
А по России стонущей
Волки добычу рвут,
Чтобы своим волчоньшам
Волчий создать уют.
Прочим же, кто решительно
Красть не хотел уметь,
В жизни неутешительной
Есть утешенье – смерть.
Будет тебе безвестная
И безымянная,
Будет тебе Небесное
Царство желанное.
Радуйся же, убогая,
Солнцу и облакам,
Светлой пойдёшь дорогою,
Но ...потерпи пока.

Ветеранам «Северного рая»

В нашем доме жили северяне,
Наши жизни, по своим сверяя,
Морщились, как морщатся от ран,
И произносили: – Магадан...
Так, как будто предъявляли справку.
Вохровцы, ушедшие в отставку,
Наконец, надеялись за труд
Долгожданный обрести уют.
В нашем доме, самом рядовом,
Не дела творились, а делишки,
Спички жгли, горланили мальчишки,

Ссорился с жильцами управдом.
Сколько раз сутулый северянин,
Стоя у расписанных дверей,
Мучился: – Кому мы доверяем
Для страны воспитывать детей.
Нет ни дисциплины. Ни порядку.
Я бы за такую вот «тетрадку»
Собственных, как «сидоровых коз»,
Выпорол бы. До кровавых слёз.
Распустились! – сплёвывал слюну.
– Нет, не понимаю, как ты хошь.
Вот на них бы лагерную вошь,
А иначе доведут страну...
Может быть, они не виноваты
В том, что были выбраны судьбой
Не в страдальцы, в сторожа-солдаты
И, вины не чуя за собой,
Просто не умели разобраться,
Кто тут прав, а кто тут виноват.
Знали ведь, что мог и сват, и брат,
Завтра в «виноватых» оказаться.
Нет, свои оправдывая жизни,
Годы службы, деньги, ордена,
Проще было верить, что Отчизна
Ими от врагов защищена.
Легче было жить, не размышляя,
Свой «священный» выполняя долг.
Ветераны «северного рая»,
Видно, каждый сделал всё, что мог.
Он стоял, сутулясь огорчённо,
Он страдал за будущую жизнь.
Разделив народ на «белых», «чёрных»
Сцеживал сквозь зубы: – Дожились,

Доигрались, нет авторитета,
Нет отцовской правильной руки,
Поскидали бюсты да портреты,
Только задним разумом крепки,
Хватятся ещё, ещё повоют!...
Он стонал и дёргал головою.
Морщился, как морщатся от ран.
Вохровец. Полковник. Ветеран...

* * *

Перепутъё перепутали с путём,
Так всю жизнь на перепутъе и живём.

* * *

Вольному воля, хочешь, живи,
Руки запачкай в безвинной крови.
Ну, а не хочешь, мошенник и вор,
Голову русую снимет топор.
Вольному воля, хочешь, солги,
В этом тумане не видно ни зги.
Правда не ценится в нашем краю,
Значит, скажи, что живём мы в раю.
Вольному воля, хочешь, продай
Душу, чтоб слаще на свете жилось,
Пилось и елось, и мягче спалось,
Чтоб заграничная близилась даль.
Ну, а не хочешь, как хочешь, не ешь,
Будет в кармане вечная брешь.
Вольному воля, спасённому рай,
Хочешь, живи, ну, а нет – помирай.

* * *

Есть у памяти свойство одно –
Прятать чёрное дело на дно,
Будто дела, что сердцу не мило,
Вовсе не было – похоронила.
Есть у памяти свойство другое –
Помнить зло, не давая покоя,
Обрекая на горькую муку,
Но зато – останавливать руку,
Вновь взнесённую с умыслом тёмным.
Жаль, недолго грехи свои помним.

* * *

Бытом душу пытаюсь
От нахлынувшей грязи Содома.
Пусть ковчег укреплённого дома
У Потопа встаёт на пути.
Пусть прообразом жизни, потом
Наступающей, после Потопа,
Станет мой неразрушенный дом.
Детских ног несмолкающий топот
И любви победительный шёпот.

* * *

Как этот лист на веточке, держись.
Сдались его собратья, облетая,
И лишь его, как истинную жизнь,
Не победила осень золотая.
Совсем один на дереве пустом,

Зимы спешащей только гость случайный,
Глядит в окно и наполняет дом
Мистически благоговейной тайной.
И окрыляет тех, кто жить рискует:
Что день грядущий, как надежда, чист.
...Из века в век Господь последний лист,
Жалея нас, на веточке рисует.

* * *

Почему через боль, через боль
И рожденье, и смерть, и любовь,
И вся жизнь – сквозь страданье и муку?..
Протяни отдающую руку,
И слетится клевать вороньё
Неусыпное горе твоё.
Пусть клюют... Всё равно им и нам
Хватит скорбного хлеба с избытком.
На Руси только резвым да прытким
Этот чёрствый кусок по зубам.
Всё равно, только так, через боль,
Всё, что было, что будет с тобой.
Ни судьба, ни талант, ни пустяк –
Здесь ничто не даётся за так.

* * *

Сквозь линзы слёз, ленивая душа,
Гляди на увеличенное горе,
Чтобы с собою непрерывно споря,
Ему навстречу сделать трудный шаг.

Лошадиная жалоба

Не нужны мне вожжи и кнут.
Я сама впрягаюсь в телегу,
Мне давно известен маршрут:
По камням, по грязи, по снегу.
Вдоль по нашему бездорожью
Потащу свой тяжёлый воз.
Обещали мне жизнь хорошую,
А хорошего – с гулькин нос.
Да и Бог с ним, с этим хорошим,
Хватит горького мне до слёз.
По ночам жую свой овёс
Да солёные пью горошины.
А луна от моей конюшни
Не уходит, торчит бельмом.
Может, мне лучшей жизни не нужно.
Это мой распрекрасный дом...
А на том, зеленом, лугу,
На зареченском берегу,
Где пасутся сытые кони,
Там бы счастье моё не поняли.
И судили бы, и рядили,
И копытами резво били:
– Ох, и глупая эта кляча.
Видно, жить не хочет иначе.

* * *

Плач ли, стон ли раздался гармонично...
Пелагею деревня хоронит.
Два сыночка, Егор да Васятка,
Разорвали меха у трехрядки.

Что ж, поминки – обычай наш древний,
Третьи сутки гуляет деревня.
Не деревня, а жалкая малость,
Пять домишек всего-то осталось,
Ни подворий теперь, ни усадеб...
Двадцать лет не справляли тут свадеб,
Двадцать лет у деревни причина
Для гулянки – не радость, кончина.
По-над крышами дух самогонный,
Затянулся обряд похоронный:
Лишь покойная мирно лежала
На кровати, поверх одеяла.
– Вымирает родова-то наша...
Первача наварила мамаша.
...Хорошо не успела припрятать. –
Пьяный брат уговаривал брата.
– Без гармошки, конечно, хреново,
Хошь, хоть завтра поеду за новой?..
Третьи сутки к концу подходили,
А они и могилы не рыли.
То плясали, то пели частушки
Сыновья и соседки-старушки.
Дармовое застолье – удача.
Здесь теперь не хоронят иначе:
Матерщина да пьяная ругань,
До краёв наливали друг другу.
Заливали и совесть и жалость,
А в округе земле не рожалось.
Ветер тучи гнал мимо и мимо
Разорённой земельки родимой,
И глядела пустынная вечность
На погибель души человеческой.

* * *

Аптечное нынче не в моде.
Среди многочисленных средств
Известное средство в народе
От всякой бессонницы есть.
Оно помогает забыться.
Оставив свой лагерный быт,
Душа легкокрылою птицей
Над опытом жизни парит.
Лишь вечный огонь укоризны
Горит, выжигая, в груди,
Но полное знание жизни,
Конечно, ещё впереди.

* * *

Ну, что ты, чужое горе,
Зачем ты мне лезешь в душу?
С меня своего довольно.
Не слушало горе чужое,
Теснило да окружало,
Покуда своим не стало.
Теперь уже не прогонишь,
Прильнуло рубахой к телу.

На торжище менял

Здесь менялись без норм и без правил.
Кто-то чист был, а кто-то лукавил:
– Посмотрите, какая вещь,
Для себя не сумел сберечь.

Этот – дачный участок с сортиром
Обменял на цыганскую шаль.
Тот, чудака, городскую квартиру –
На чужую неясную даль.
Некий жулик на торжище этом
Даже зиму менял на лето,
Соглашался с большой доплатой,
У него водились деньжата.
А старуха меняла судьбу,
Принесённую на горбу,
На другую, чтоб снова начать.
Говорили ей: – Что ты, мать,
Нынче жизнь твоя не в цене,
Нам, такую, не надо, не...
А у тощего ротозея,
Что стоял, на менял глаза,
Вовсе не было ни шиша,
Кроме чёрного карандаша,
Да листочка белой бумаги,
Да желания, да отваги.
Вот он взял и по мере сил
То, что видел, изобразил.
Мы за это его и судим.
... Получились...
чёрными люди.

* * *

Да, жизнь вполне абсурдна. Не ищи,
В ней нет несуществующего лада.
А то, что прячешь в глубине души
От всюду проникающего взгляда

Чужих, но на твои похожих глаз,
Оно так страшно противоречиво.
И ада жар таящее огниво
Подделкою похоже на алмаз.
Там, в глубине, и Бог, и сатана,
Там правда, обручившаяся с ложью.
Чуть тронь, вся муть поднимется со дна —
От фанатизма веры до безбожья.
Гармония, мерило красоты,
Когда бы ни была самообманом,
С какой бы силой высветила ты:
Всё что внутри и всё что вне — с изъяном.

* * *

И явь,
и мнимо,
но мимо...
Мимо...
Необратимо.

* * *

Человеку нужен человек,
Сокровенный сердца человек,
Сердцу драгоценный человек.
Не на день, не на год, а на век.
Чтоб ни у кого его не красть,
Чтобы с ним наговориться всласть,
Чтоб в беде к груди его припасть,
В пропасть не упасть и не пропасть.

* * *

То ли дождь пойдёт, то ли снег...
То ли просто слаб человек,
То ли слишком трезв,
То ли в стельку пьян,
То ли есть какой
В нём иной изъян.
То ли жизнью где прищемило –
Всё немило.

* * *

Надорвусь страдать-сострадать,
Затоскую на вечной тризне,
Но другой не бывает жизни...
Та, что есть, и есть – благодать.
Всё твоё житьё да битё,
Запятые, тире и точки,
О, как бьётся сердце моё,
Разрывается на кусочки.
О, как плачет, выход ища,
Над любой колыбелькой горя.
И смиряется, трепеща,
Ничего себе не от спора.

* * *

Какая награда –
И крест, и ограда.
Чего ещё надо?
Венки и синички,

Весёлые птички.
И – снег.
А был на земле – человек.

* * *

Печаль моя, заступница печаль,
Спасительная тайная отрада.
Ты – близь и явь, и мнимое, и даль,
Сама себе награда и ограда.
Как мне за прочной крепостной твоей
Стеной молчитя, дышится, поётся?..
От радости ли свищет соловей
Иль от печали – равно сердце бьётся.

* * *

Душа отдушину искала,
Чтобы припасть и подышать...
Горела лампа вполнакала.
Ждала раскрытая тетрадь,
Ждала строки – скупой и точной,
Бесхитростных и ясных слов,
Чтоб мир души был чист и прочен
И беспорочен был улов.

* * *

Печальный день или счастливый
Одним лишь тем, что жизнь жива,

Что вновь к реке приникли ивы
И в скверах выросла трава,
Что ветра шум, как прежде, слышен,
И смех детей, и звон гитар,
И стонут голуби на крыше,
И солнце льёт полдневный жар.
Но столько пролито прощальных
И горьких слёз, что не понять,
Счастливый день или печальный
И плакать или ликовать...

* * *

В остатке дней – осадок бытия,
И тонет где-то в нём душа моя.
Не выпадай, душа, не пропадай,
Цени земной, под Божьим небом рай,
Люби люблю жизнь, что рядом есть,
Быть может, в этом – вся Благая Весть.

* * *

Глядеть – не наглядеться,
Дышать – не надыхаться...
О, если б мы умели
Друг другом любоваться,
И так любить друг друга
И жертвенно, и строго,
Как будто мы и вправду
За пазухой у Бога.
Как будто, в самом деле

Очистились от скверны
И научились жизни
Доверчивой и верной.

* * *

Чужая боль....
Когда я научусь
Страдать тобой,
Как собственную болью,
Когда от слёз твоих
Мои нальются веки,
Возможно, лишь тогда
Я выйду в человеки.

* * *

Тишина. Облегченно качаются кроны,
Обронили берёзы на землю предзимний наряд.
Только сосны, красуясь убором зелёным,
Как солдаты, на страже у тропок недвижно стоят.
Остывает земля, наполняется сонным покоем
На природой назначенный, точно отмеренный
срок.
Отчего же на сердце смиренное чувство такое,
Словно кто-то услышал и горе осилить помог?

Часть третья: ОТ ВЕСНЫ ДО ОСЕНИ ЧИСТЫЙ СВЕТ

* * *

Затянулась зима... в ожиданье весны
Истомились деревья и птицы,
Даже вещи тёплые сны
Перестали им сниться...
И нахохлившись, ждёт воробей
Послабленья судьбы и морозов,
На груди у любимой своей
Воробьиные выплакав слёзы.

* * *

Начало марта, как начало новой
Забывчивости прежних бед и лет.
Оттаивают зимние оковы,
И памяти о боли больше нет.
Остались мне – сиянье небосвода,
Многоголосье перелётных птиц,
И высшая, безгрешная свобода,
И дух святой, не знающий границ.
Животворящий дух тепла и света,
Весенний дух, пронзающий насквозь.
И мирозданья пламенная ось
Проходит сквозь сердечную планету.

* * *

И эта поздняя весна,
Щемяще ранняя,
Из детского вернулась сна,
Как счастье крайнее.

Вернулась, чтоб спасти меня,
С креста снимая.
О, эта щедрая весна
В начале мая
Зимы ошуюю
И лета одесную...
Я каждый листик,
Вновь проснувшийся,
Целую.

Чистый свет

1

Запахи щей и картошки,
Хлеб на скатерке простой,
Стул с обломившейся ножкой,
Чая фруктовый настой.
Две у стола табуретки,
В садик глухое окно,
Жёлтой акации ветки...
Как это было давно.
Но повторяются снова –
Скатерть и хлеб на столе,
Ветки акации. Словно
Время не шло на земле.

2

Мне повезло – была работа,
Любая, праздником у нас,
И делалась она с охотой.
В урочный, неурочный час
Родней и улицей спешили

На помощь – дело подымать.
Все по такому счету жили,
Когда друзей – не занимать.
Когда считалось делом чести
Сперва – тебе, а мне – потом,
Когда простое слово «вместе»
Крепилось потом и трудом.

3

Собираем тёплые кизяки,
Надеваем старенькие чулки,
И – по кругу. В ямищу у ворот
Пополам с соломой кизяк идёт.
Формищу тяжёлую дружно – р-раз!
Кирпичины ровные напоказ.
– Веселее пятками, огольцы,
Поспевай за бабками, сорванцы!
Для кого работа, для нас – игра,
Грязная до пояса детвора.
Сквозь чулки солома крапивой жжёт.
– Ничего, до свадебки заживёт! –
Утешают бабушки. А зимой
Возвратимся с горок в тепло, домой,
Под весёлый треск кизяка в печи
Испекут нам бабушки калачи.

4

Хочешь, что сбылось – проси обратного,
Есть такая детская игра.
Укатилось детство безвозвратно,
Не доводят игры до добра.
По дороге скачем мы вприпрыжку,
Я подругу правилам учу.

– Мама пусть умрет! – кричит подружка,
Громко вслед за ней и я кричу.
Похоронный плач, народу мало,
Я стою, гляжу из-за угла,
Это я беду наколдовала,
У подружки мама умерла.

5

Калачики зелёные, паслён-трава,
Ягоды военные, горькие слова.
Ягоды как ягоды, хвалим да едим,
И по-детски веруем в то, что победим.
Мимо палисадника лётчики идут,
Песню невесёлую весело поют.
– До свиданья, девочка! – крикнул мне солдат,
Навсегда запомнила я весёлый взгляд,
Рыжие веснушки на лице его
И глаза смешливые, больше ничего.
– Возвращайтесь, дяденьки! – все звучат
слова.

Калачики зелёные, паслён-трава.

6

И был тот день, когда она пришла
К нам долгожданная победа!
Во всём – во всём она теперь была:
И в скромном праздничном обеде,
И в возвращении родных,
И в бабушкином тихом плаче,
Когда она сынов своих
Встречала, в фартук слёзы пряча,
И в новом платье для меня.
К нам собиралась вся родня,

Дивились, ахали, вздыхали –
Вернулись все, кого мы ждали.

* * *

«Виють витры...» – так певали
В праздники у нас.
«Виють буйны», – и печалью
Песня вдаль лилась.
«Як я бидна тут горюю», –
Плакали навзрыд.
Был у каждой во сырую
Кто-нибудь зарыт.
Кто-то любый и бесценный.
И казалось мне –
В песне этой невоенной
Пелось о войне

Дом родной

Дом родной, где каждой половицы
Я могла звучанье отличить,
Где мелькали бабушкины спицы,
В vareжки, преображая нить.
Что квартира, выделяют такую,
Нравится – не нравится, живёшь.
А когда по дому затоскую,
Боль такая, будто в сердце нож.
Объяснишь весельчаку иному,
Что резвится: – «Блажи не пойму!»
– Для того, чтоб тосковать по дому,

Надо было вырасти в дому.
Надо было полюбить работу,
Без которой блага – ерунда,
И включаться с радостной охотой
В суету домашнего труда.
Надо было, закрывая ставни,
Заглядеться с улицы в окно
На беззвучный, как немом кино,
Мир любви, устойчивой и давней.
Надо было, босиком, лихача,
В феврале с крылечка на мороз.
Боже мой! Какая нам удача,
Кто в дому родился, жил и рос.

Моя звезда

Уже дымком древесным потянуло,
Хозяйки печи топят ввечеру,
Мороз январский обжигает скулы,
А я стою и стыну на ветру.
И дай мне волю – тут и заночую,
Чтоб загадать желанье наперёд,
Ни холода, ни времени не чую,
Моя звезда, она вот-вот взойдёт.
А месяц молодой, топорща рожки,
С улыбкой с неба смотрит на меня,
Уже в домах затеплились окошки,
С дороги дальней слышен всхрап коня.
Вот кто-то вышел, закрывает ставни.
Взошла! Она всегда приходит в срок.
И нынче – вспыхнет звёздный огонек
И жизнь мою пронизжет светом давним.

* * *

Мы в сумерках, не засветив огня,
Сидели молча у горячей печки
И слышали, как ветер смёл с крылечка
Следы уже исчезнувшего дня.
В проём заиндевелого окна
Входила ночь торжественно и строго,
Собою освещённую дорогу
Рассматривала пристально луна.
Тревожа, мучая и надрывая душу,
Так тукал веткой тополь о стекло,
Что всё хотелось выбежать наружу
И завести его к себе, в тепло.

Я приеду...

Вдруг покажется – можно приехать,
Не спеша с электрички сойти,
Под шагов многократное эхо
Запах детства вдыхать по пути.
Потихоньку приблизиться к дому,
Постучать, замереть у крыльца
И услышать до боли знакомый
Голос матери или отца.
Посидеть у стола за беседой,
Посудачить о нашем житье,
Щей вчерашних, любимых, отведать.
Те же щи я варю, да не те.
Снять огурчик молоденький с грядки,
На чердак, в сеновал заглянуть.
И, поверив, что всё здесь в порядке,
Сладко-сладко, как в детстве, уснуть.

...Я приеду, пройду вдоль ограды.
Как давно не бывала я тут.
Только в доме мне больше не рады,
В доме люди чужие живут.

* * *

Дом стоит, неказист, скособочен...
Он заброшен, забыт, заколочен,
Но остались за ставнями тени
Четырёх или трёх поколений.
Память дома берётся за дело,
Слышит дом голоса, видит лица:
Вот проснулись, скрипят половицы,
Вот в печи занялось, загудело.
Над плитой наклонилась старуха,
На часы поглядела, заахав...
Дом вздохнул обречённо и глухо,
А сквозь ставни блинами запахло.

* * *

Сыро, зябко... Зябнет зяблик
И в моё глядит окно.
По весне уплыл кораблик,
Слёзы высохли давно.
А теперь дожди и осень,
А за ней одна из зим.
И каким немым вопросом
Озадачены мы с ним?
И какие в жизни тайны
Нам искать и не найти,

И действительно ль случайно
Наши встретились пути?..

* * *

Чуть полежать, не открывая глаз,
Не выходя из сна и сновиденья...
Веди-веди свой призрачный рассказ,
Короткое забытое мгновенье.
Что чудится на доньшке пустом?
Не дотянусь, не разгляжу, но всё же...
Вот человек... калитка... старый дом,
И – счастье, ощущаемое кожей.

* * *

Неожиданная удача,
Ожидаемая всегда.
Нерешаемая зада
Не решается никогда.
Я тебя, удача, растила,
Как ребёнка, в себе носила,
Ты мне стоила мук и слёз,
А упала росой с берёз.
Налетела, как вешний снег,
У которого краток век.

* * *

Этот голос мне с детства знаком –
Так выводит мелодию птица.
И пусть всё, что позднее случится,
Только горло сжимающий ком,
Только чистое слёзное эхо,
Да мерцанье стрекоз на лугу...
Сквозь года, сквозь любые помехи
Я его берегу.
Это голос России, он давней
Песней мамы мне в сердце стучит,
Тонким скрипом распахнутых ставней,
Тихой речью под цокот копыт.
Дробью первой весенней капли,
Воем вьюги, руладой скворца,
Долгим плачем сибирской метели
И ночным шепотком у крыльца.

Будет чуткое многоголосье
Голосам моих внуков внимать.
Пусть звучат молодые колосья,
Зрелость жизни пытаюсь понять.

Игра

Кто
ты
будешь
такой?!

И мы кричали: – Я – царевич!
– Король я! – Царь! – Я королевич!
И лишь один пацан соседский

В надвинутой до носа кепке
Картину портил бытия,
Кричал: – Сапожник буду я!
Хрустальный падал башмачок,
И ни дворца тебе, ни бала!
Глазами детвора моргала,
А он, упрямый мужичок,
Озябшую босую ногу
В штанину прятал, как в берлогу,
И прочно на другой стоял,
– Сапожник буду, – повторял.

...Он в королях ходить бы мог,
Да знал, как худо без сапог!

* * *

От детства
И в старости никуда не деться.
С локтями
Да коленками острыми
Замучивает своими вопросами.
Ему ещё
Знания копить вначале,
А мне уже
Нянчить свои печали.

* * *

Летит душа за птицами, летит,
Когда они царят в высоком небе.
И даже травяной иссохший стебель,
Чуть дунь, и тоже к небу воспарит.
Какая притягательная сила
В просторе смелом дышит и живёт?...
И нежно режет небо самолёт,
И думал бы о вечности пилот,
Когда б его земля не тяготила.

* * *

Весна наступила.
Раздроблены льды
Зубами могучих
Литых ледаколов.
И бег сумасшедшей
Весенней воды
На север уносит
Расколотый холод.
И в белой манишке
На нежной груди
Весенняя птица
Дрейфует на льдине.
И рядом с надеждой,
Что жизнь в середине,
Вдруг вспыхнет безумная –
Всё впереди!

**Бабушкины сказки
(Быль)**

(Памяти Ершовых – Андрея и Григория)

– Баба, баба Тася!
Сказку расскажи!
– Расскажу, пошире
Уши развяжи.
Жил в одной деревне
Славный и простой,
Жил Ершов Андрюша,
Парень холостой...
А ещё в деревне
Девушка жила...
– Баба, баба Тася,
Это ж ты была.
Тихо речь катилась
По крутым годам,
Всё, что было с ними,
Возвращалось нам.
И вставало время
В страшной простоте
В бабушкиных сказках
Безутешных тех.
Горем каменели
Детские сердца,
Не было терпенья
Слушать до конца.
Там теряла мама
Брата и отца,
Там слепая сила
Рушила дома,
Там сходили мама
С бабушкой с ума.

Ах, как мы мечтали
Время вспять вернуть
И направить в новый,
Безопасный, путь.
Чтобы стал нестрашным
Тот, тридцатый год,
Чтобы всё случилось
Там наоборот.
– Баба, ты другую
Сказку расскажи,
Чтобы деда с дядей
Оставались жить.
Но она махала
Горестно рукой,
У неё, как видно,
Не было такой.
И стояла мама
Долго у окна.
Скорбью разливалась
В доме тишина.
Бабушкиных сказок
Не сладеет соль.
Оттого и рвется
В каждом слове боль.
Маминога брата
Двадцати трех лет
Ни за что убили,
Расстреляли где-то,
И могилки нет.
Ни креста, ни камня,
Ни горсточки песка...
Не по нам ли плачет
Ветер сквозь века?

* * *

Тех, кто ушли от нас,
Кто раньше, а кто позже,
Вдруг вспомню в этот час,
И станет сердце строже.

Укутав плечи в шаль,
Взгляну в окно случайно,
Молчит немая даль,
Хранит урямо тайну.

Я из любой дали
Верну их силой слова,
Как в бухту корабли,
Они вернуться снова.

Уже не так горька
Разлука, на мгновенье
Почувствует рука
Руки прикосновенье.

Они опять со мной
Все те, кто был мне дорог,
И слышен за стеной
Осенних листьев шорох...

* * *

Октябрьский лес прозрачен и прекрасен,
И призрачен, и беспредельно строг,
Печали полон, как последний срок,
И, как надежда, молчаливо ясен.

Ещё хранит опавшая листва
Цвета и шорохи отхлынувшего лета,
И ждёт душа привета и ответа.
От ветра так кружится голова,
Холодного и пахнущего мартом,
Как будто всё поставлено на карту.
Как будто здесь начало и конец,
Рожденье жизни и её венец.

Хорошо

Осенним днём, когда душой
Так жаждешь солнца.
Вдруг кто-то скажет – Хорошо! –
И рассмеётся.
Покажется, что «хорошо»
Шуршит, как шорох,
А это мелкий дождь пошел,
И листьев ворох
Под ноги кинулся щенком
И туфли лижет
Холодным мокрым языком,
А в лужах вижу –
Желтеет лоскутами шёлк,
Там листьев пятна.
И станет слово «хорошо»
Душе понятно.

* * *

Берёзы голые белели,
Сливались их стволы вдали
В предошущие метелей,
Что из грядущего мели.
Природа отворила двери
Снегам, морозам, ноябрю
И наблюдала с недоверьем,
Как, вопреки календарю,
Под солнцем нежилось село,
И было тихо и тепло.
Ещё не вспугнуты зимой.
Сильнее голубели дали,
И стаи голубей летали
Над ожидающей землёй.

* * *

Вдруг свернулась листва
От мороза ночного.
Золотые слова
От начального слова,
От литого ствола
Отрываясь, кружили,
Может, вечность прошла,
Может, вовсе не жили...

Старому другу

Настанет день, то будет зимний день,
Настанет час, и ты вздохнешь печально.
И обо мне вдруг пожалеешь тайно,
Твоей души моя коснётся тень.
Ты пожалеешь, как и я жалею,
Увидев снег, лежащий за окном,
О нашем чистом, искреннем, былом.
Ты вспомнишь, как брели мы по аллее
В районном парке лунною порой,
И мотыльков неутомимый рой
Неистово под жёлтой лампой бился,
И вальс знакомый в воздухе кружился.

* * *

Глина. Пригорок. Ива.
В самом обычном даже,
В самом простом пейзаже
Жизнь всё равно красива –
Глина, пригорок, ива.

* * *

Закат мелодией наполнен,
Бессильна – словом описать.
Так чутким эхом с колоколен
Слетает Божья благодать.
Над лесом, над рекой, над полем
Восходит первая звезда.
И если ты Сибирью болен,
Уже оправдан навсегда.

Любовью, верностью оправдан,
Простой бесхитростной красой.
Полынный дух курится ладаном
Над придорожной полосой.

* * *

Был чудный день,
и тёплый и нежаркий.
Эдемом был
фруктовый тихий сад.
Зрел виноград
под изумрудной аркой.
Скорбела я
некстати, невпопад,
со временем и днем
не совпадая,
всем чувством
забегая наперед.
Душа рвалась,
не обретая рая.
Свет с неба тёк,
и тёк из ульев мёд.

* * *

От того, что колышутся кроны,
Тихо кружится голова.
То предзимье вступает в права
В этом бело-желто-зелёном.

Потемневшее золото листьев
Чуть подсвечивает со дна.
И неведомо, сколько длится
Сладкозвучная тишина.

* * *

С картины голландца,
Старинного мастера,
Сошло это место
В сибирском приречье.
Сошло, воплотилось
Движеньем воды,
Мерцаньем дерев отражённых,
Текучестью неба,
Томленьем влюблённых,
Что в лодке плывут по реке.
И только одним отличается место
От волшебного полотна –
Живым трепетанием мига.

* * *

Пишу стихи, совсем простые,
За жизнь от сложностей устав.
Часы стоят ... как часовые
С безмолвным словом на устах.
И это мудрое молчанье
Мне странной силы придаёт.
Я слышу времени звучанье,
Великой жизни тихий ход.

В.Ф.

Ещё зовет из душных комнат
Октябрь, струящийся в окно,
Ещё и радость сердце помнит,
Когда печалится оно.
Пусть пальцы тяготят запястье
И рвётся пульс, не сосчитать,
Душа заходится от счастья –
Осенним воздухом дышать.

* * *

И октябрь уже миновал,
Да и жизнь почти миновала...
За оградой у сеновала
Одуванчики – наповал.
Жадно лижет туман зарю.
Лишь синичка не унывает,
Песней вторя календарю,
Зиму белую зазывает.

* * *

Просто слушать тишину,
Ничего не делая,
Просто видеть синеву
Меж стволами белыми,
Наблюдая, как парит
Паутины нить.
Просто – быть.

* * *

Какой пожар случился на земле!
Лес полыхает пламенем багряным –
То у природы на большом столе
Созрела осень яблоком румяным.
Огонь тот сладок глазу и душе,
Не обжигающий, но греющий надёжно
И обещающий, что счастье возможно,
И – сбудется, да и сбылось уже.

* * *

Мозаика листьев на влажной земле
Да яблочек румянец на круглом столе.
Пустеющих дач погрузневшие лики,
Ворон оголтелых истошные крики,
Пустынных небес сероватая шаль.
Октябрь... Предзимье... Краса и печаль.

* * *

Нет, ни в чем не виноват
Розы куст осенний,
Источавший аромат –
Тонкий запах тленья,
Сладковатый и простой,
Сединой осевший.
Только стойкий, как настой
Душеньки созревшей.

* * *

С каждым днём ослепительней лес,
Будто солнце нисходит на землю.
Дух унылой печали исчез,
Красоты октября не приемля.
Обратился в иную печаль,
Осиянную светом надежды...
Только лес к ноябрю, как не жаль,
Золотые утратит одежды.

* * *

Взгляни в окно и тихо улыбнись
Обыденной картине заоконной:
Последним листьям, облетевшим
с клёнов,
Бесхитростной предзимней красоте,
Утратившей парадности излишки, –
Всему, что щедро предлагает жизнь.
И радуйся, как радуется нищий
Монетке, хлебу, чьей-то доброте.

* * *

Души прозрачная пора,
Ее «очей очарованье».
Осенней прелести игра,
Не отменяющая знанья,
Что всё желанное пройдёт,
Под белым саваном остынет.
Ей нет нужды томиться ныне:

Ещё придет ее черёд.
С мгновеньем вечности сродняясь,
Вплетясь в его цвета и звуки,
Былую воскрешая связь,
Душа не знает слаще муки.

* * *

Осенняя краса. Последний час.
Октябрьский день, остатняя минута
Перед зимой... И сладко почему-то,
Как будто счастье впереди у нас.

* * *

Золотыми листьями берёз
В октябре украсит сосны осень,
Чтобы лес до срока уберёт
Красоту рождественскую сосен.
И когда – владычицей пурга,
И когда – владыкою мороз,
Будут сосны освещать снега
Золотыми листьями берёз.

* * *

Осень надела на слабые стебли былинки
Листья опавших, еще не поблёкших, красу.
Пёструю сеть воспоминаний, почти что былинных,
Осенью каждой, должно быть, напрасно трясу.

Впрочем, улов не всегда овеивает печалью,
Нет-нет и радость блеснёт золотым плавником,
Чтобы напомнить, что где-то в дали изначальной
Тоже была я совсем не плохим рыбаком.

* * *

Потемнела лиственниц патина...
Всё необходимое найдено,
Всё необъяснимое понято,
Всё невозвратимое принято.
Золотыми стёжками прОшито,
То, что было пройдено-прОжито...
Замерли стволы темнокожие,
Выжидая зиму хорошую.

* * *

Тучнеют тучи, а между строк
На фоне неба рисунок строг
Озябших веток, в них снегири
Вьют оперение для зари.
В тумане тонут река и лес,
Весь город в белом дыму исчез,
Лишь чуть мерцает оконный свет...
И нас на свете как будто нет,
Но через шторы припухших век
Навстречу взору – пречистый снег.

* * *

И первый снегопад как первая разлука —
Щадящая и детская наука,
Пророчица всех будущих наук,
Предвестница всех будущих разлук.
Но я ещё гляжу с надеждой чистой
На первый снег, спадающий с небес,
И душу ждущую чудес,
Божественною грею искрой.

* * *

И снова мальвы зацвели в июне...
То в полнолуние было или в новолуние,
Значение имели только свет и цвет,
И лепота, какой названья нет.
И снова резали стрижи собой пространство,
И восхищало круговерти постоянство.
Всё было — присно! Вечной жизни круг
Таким понятным развернулся вдруг.

* * *

Вот так бы и жить нам на краешке лета,
Где сердце последней надеждой согрето,
Где белая скатерть и хлеб на столе,
Где небо струится, стремится к земле...
Вот так бы и жить... Беспечально и нежно
И так беспрепятственно уединённо,
Чтоб счастье, которое скрылось поспешно,
Теперь возвращалось — *продлённо*.

Часть четвёртая: ЛЮБИТЬ ВОЛЬНА...

* * *

Любить вольна и не любить вольна...
Но где любви и нелюбви цена?
Не ходит счастье по дороге ровной,
Мне горько быть и правой, и виновной.
Любить вольна и не любить вольна?
Нет, это только видимость одна.
И разве я была б судьбой довольна,
Когда б всё изменить мне было вольно?!

* * *

Горчит полынь сухая,
Зажатая в руке.
Какая-никакая
Зернится в кулаке.
Какая-никакая,
А вызрела судьба.
И жизни урожая
Мерило – молотьба.
Намолотил, отведал,
И оторопь берет,
Отвеять бы все беды.
Оставить только мёд.
Да если бы родиться
Чуть раньше, чуть позднее,
Да крепче пригодиться
На Родине своей.
О! Если б изначально
Любить её сильнее.
То б не полынь печали
Была в руке моей.

* * *

Родина милая,
Сердцу простому –
Жёлтый подсолнух
Да тропочка к дому.
Родина вечная,
В сердце возвышенном
Светишь проталиной
Неба над крышами.
Родина гордая...
Горькому сердцу,
Как ни старайся,
В тебя не взглядеться.
Так и останешься
Вечной загадкой
В песне нескладной,
В жизни несладкой.

Поле чудес

Здесь больше уже
Ничто не взойдёт,
Прижались к меже
Бурьян да осот.
Подумаешь вдруг,
Приехав сюда:
– Здесь прежде был луг,
А нынче беда,
Пустырь, что ни шаг,
Ни поле, ни пар.
С него ни шиша
Ни в рот, ни в амбар.

Лишь солнце с небес
Из-за облаков
На поле чудес
В стране дураков.

* * *

Убогая русская жизнь,
Кривые дома и заборы.
С печалью бездонная высь
Глядится в немые просторы,
Да бедное сердце горит
Больной застарелой любовью.
И плачется птицам навзрыд,
И бабам рыдается вволю.
По избам лежат мужики:
Кто – в стельку, а кто – с полупьяна.
И всё-то нам жить не с руки,
И всё нам никак без обмана.
Чтоб после рыдать и жалеть,
И в грудь себя бить кулаками,
Но всё ж с золотыми руками
Суметь в нищете помереть.

Старые дома

До бровей зарылись в землю
Очевидцы прежних лет,
Словно вовсе не приемлют
Жизни нынешней примет.
Не тревожат мир их давний
Ни луна, ни облака.

Лишь к полудню веки-ставни
Пошевелиятся слегка.
Глянут темные глазницы
В суть сегодняшнего дня,
И замрут дома-гробницы,
Чьи-то жизни хороня.
Доживают в них старухи
И седые старики.
Чуть над крышами разрухи
Вьются слабые дымки.
Заколочены полдома,
И обронены слова:
– Что ж на эти то хоромы
Тратить уголь и дрова? –
А жилые половины
Тоже пахнут нежилым:
Там по стенам паутины,
Словно лет далёких дым,
Где жильцы домов унылых
С молодой упорной силой,
Будто молодость сама,
Эти ставили дома.

* * *

Придёт желанье раствориться
(Как тьмы колодезной напиться)
Вот в этих улочках пропащих,
Листвой опавшею пропащих,
Где чистый свет мне в душу льётся,
Как тонкий луч на дно колодца.

* * *

Зимний день был сияюще белым,
Ослепительно белым, до слёз.
Чей-то голос вплетался несмело
В заунывную песню колёс.
Замерев у окна, я молчала.
Проводница прошла не спеша.
Белой лебедью Русь пролетала,
И простором дышала душа.
Сумасшедшая жизнь отступила,
Городская ушла суета...
Ах, как я эту землю любила...
За верстою мелькала верста.
Ничего не меняла, по сути,
Монотонная песня колёс.
Вёз нас поезд, которые сутки
Мимо счастья возможного вёз.
Нудным эхом в движенье вплеталась
Пестрота бесполезных идей,
Но отсутствие счастья читалось
По безрадостным лицам людей.

Уезжая...

Я оставляю вас на Божью волю,
И произносят бережно уста:
– Храни вас Бог, любимые места,
Назначенные нам в земную долю.
Храни вас Бог от наших бед и рук
И ограждай невидимой границей,
Чтоб нам, безумным, после всех разлук
Нашлось, к чему припасть и прислониться.

Цыгане

Бьёт цыган цыганку молодую,
Молча и ожесточенно бьёт.
А она, подняв ладонь худую,
Словно боль свою из горсти пьёт
Иль защиты ищет у кого-то
Истово, по-своему, молясь,
Со слезами смешанная грязь
На лице да жалкий страх животный.
Не бежит от деспота, не просит
Помощи, сглотнула в горле ком
И упала головою оземь,
Ворох юбок лег вокруг цветком.
О своём о чём-то гомонят
Цыганята со старухой рядом,
Та лишь поведёт на сына взглядом,
Что он прячет, сумрачный тот взгляд?!
Разогнулась, охнула старуха,
Цыганёнка дёрнула за ухо,
Для неё, да и для цыганят,
Жизнь течёт, как тыщу лет назад...
А в цыгане злость перекипела,
Сел и, остывая, закурил.
Вот и всё. Обычайшее дело –
Бить жену, покуда хватит сил.

* * *

До поры я платье чёрное,
Траурное износила.
И в нарядном свою мамочку
Проводила до могилы.

И над холмиком молила:
« Ты прости меня, прости».
А она мне из могилы:
«Дочка милая, форси».

* * *

Есть тяжёлая в жизни работа –
Проводить дорогих стариков
До последнего их поворота
И расстаться на веки веков.
А потом по ночам вспоминать,
Как глядели отец или мать,
И казнить себя тяжко, сурово,
Тщась припомнить последнее слово.
И искать в окруженье немом
И звучанье его и значенье,
Словно в слове потерянном том
Не прощание было – прощенье.

* * *

Приснись мне, мама, светло на днях,
К свету лицо поверни.
Невмоготу мне видеть во снах
Черные твои дни.
Приснись в любимом моём платке,
По тёмному жёлтая нить,
И уголок теребя в руке,
Пожалуйста, мне улыбнись.
И говори, рассказывай мне
Про жизнь свою, про дела.

Приснись! Но так, чтобы я во сне
Не знала, что ты умерла.

* * *

Старушки, мамины подружки,
Я поутру
На поминальную пирушку
Вас соберу,
Где с тайной завистью к усопшей
Вам слёзы пить.
Она свою свалила ношу,
А вам тащить.

* * *

То под гору, то в гору,
(Никак не обойдёшь)
Порой заплакать впору,
Как на гору вползёшь.
И только переможешь
Беду свою и боль,
Как будто кто их множит,
Опять перед тобой
Дороженька крутая.

Мне что-то до сих пор
Не выпала другая,
Без горя и без гор.

* * *

Нет, молодым не завидую я,
Их не минует мой возраст серьёзный.
Будут и им запоздалые розы,
Розы с шипами, дарить сыновья.
Будет им ветер в скудеющем поле
Песни печальные, скорбные петь,
Будет и в них обжигающей болью
Совесть живая гореть.

* * *

Я – человек. Во мне так много жизней,
И тех, что были и прошли давно,
И тех, что будут. Значит, я – зерно,
Я семечко на полюшке Отчизны.
И дочери мои, мои ростки,
Растут. И вырастают в человеки.
И все мои вершки и корешки
Моею жизнью связаны навеки.

Дочки

У моих девчонок бабушкины косы,
Бабушкины сказки снятся им порой,
Оживают в сказках высохшие росы,
Снова кони полем мчат на водопой.
Каждый раз при встрече – бабушкины речи
Вновь готовы слушать ночи напролёт.
День уйдёт усталый, ляжет тихий вечер,
Над окошком месяц молодой взойдёт.

И назавтра станут слушать, замирая,
С каждой сказкой больше бабушку любя.
И попросят снова, всё до слова зная:
– Расскажи, бабуля, сказку про себя!

* * *

Катись, катись, колечко, от крылечка.
Что мне проделки старые твои?
Есть на земле четыре человечка,
Мне часто говорящих о любви.
Для них ничто не может быть помехой,
Когда в ночи тревожусь и не сплю,
Доносится четырёхкратным эхом:
– Тебя люблю, люблю, люблю, люблю.
Придет пора, мой путь буран заснежит,
Но я совсем исчезнуть не боюсь,
Есть на земле четыре сердца нежных,
В которых я останусь и продлюсь.
Не торопись, грядущая разлука,
Будь тень твоя над нами не видна,
Пока растут мои четыре внука,
Вернее – три. И внучечка одна.

* * *

Нет! Умереть мне от другого,
Теперь уже не от любви.
А было, что глаза твои,
Значенье сказанного слова
Несли в себе заряд смертельный.

И если жить осталась я,
То потому, что безраздельной
Досталась мне любовь твоя.

* * *

Остановка – «Юнгородок»!
Под ногами тонкий ледок.
Здесь осталось твоё окно,
О минувшем помнит оно,
Об ушедшей давно весне,
Потому и дорого мне.
Я как прежде, снова спешу,
Снова вижу твой силуэт.
Я приду к тебе и спрошу:
— Не напрасно спешила?! Нет!

* * *

Тишина. Похолодало.
По-над трубами дымки.
Ах, как сердцу нужно мало
Для спасенья от тоски.

Только б свет твоей улыбки,
Только б рядом за стеной
Тихий голос старой скрипки
Пел, печалился со мной.

Только б утром иней белый
Закуржавел провода,

Только б я поверить смела,
Что всё это навсегда.

* * *

Под кожей яблока живого
Зелёной крови слышен ток.
Пусть в этом мире всё неново,
Но всё для нового исток.
И мёртвая вода колодца
Живит осенние цветы,
И сердце учащённой бьётся,
Когда в него глядишься ты.

* * *

О, как молчанье душу лечит,
Когда, высокое, оно
Взамен несовершенной речи
В тиши главенствует одно
И над бессильными словами
Возводит лёгкие мосты,
Разрушив пропасть между нами,
Соединяет Я и Ты.
Меняет «пасмурно» на «ясно»,
Явив надежды светлый лик!
Каким-то чудом – краткий миг –
И мир становится прекрасным.

Счастье

Обидно понимать сейчас,
Что счастьем было то, что было.
А я жила и не ценила
Счастливым день, счастливый час.
Я столько понесла потерь,
Гонясь за призрачным и мнимым,
Чтоб горько осознать теперь,
Как страшно жизнь необратима.
Но светит солнце, дождик льёт,
И открываю лишь сейчас я –
Всё станет счастьем, что пройдёт,
И этот миг летящий – счастье.

* * *

Пахло капустными щаами и счастьем.
Не сочинённым, живым, настоящим,
Дарящим душу, и дом, и вселенную.
Счастьем, украсившим жизнь нашу брентную,
Выросшим в мире, для счастья не годном,
В веке, считающем счастье немодным.
Из ничего, так, из разностей разных
Выросло и оказалось заразным.
Счастье за счастьем, глядишь – эпидемия:
Тот – в академики, этому – премия,
Этот – женился, а этот – развелся,
Этот собакою вдруг обзавелся...
Каждому счастье, чтоб не было пусто.
А начиналось-то – пахло капустой.

* * *

Утрами уже морозит,
Хрустит под ногой ледок,
А сердце для счастья просит
Коротенький поводок,
Чтоб рядом, к ноге! О, дайте
Над ним почувствовать власть,
А счастье, тогда и счастье,
Покуда оно – не всласть,
Покуда его немного,
И жадности холодок...
А дальше – скользит дорога,
Трещит под ногой ледок.

* * *

Жизнь научает со многим смириться,
Что ж, улетай, перелётная птица.
Взмах, поднимаю прощающе руку,
Горькую я принимаю науку.
Падают звезды, и падают листья,
Снятся, как прежде, любимые лица,
Но испаряются зимы и лета.
Счастье мое перелётное, где ты?
Чем обернулось в ином измеренье?
О, как непросто даётся смирение...
(окончился цикл – счастье)

* * *

Словно вечность жила подчинённой любви,
Имена выкликая, друзей созывала.
Будто душу свою по частям собирала,
И звучало во мне – позови, призови!
Позову, предвкушая сияние глаз,
Рук горячих, и верных, и нежных слиянье.
Призову, будут праздник и счастье у нас,
А ещё будут – воспоминанья.
Будет всё, чем полна и богата душа,
Будут вздохи, и слёзы, и речи.
Позову, посидим, никуда не спеша,
Мы и живы от встречи до встречи.

* * *

Душа с душой, как тайна с тайной,
Как бездна неба с океанной.
Одна с другой, как вечность с вечностью,
Божественное – с человечностью.
Не зная, кем друг другу станете,
Когда окрепнет память в памяти,
И пересиливая «порознь»,
Отобразится образ в образе.
Через века из мира бренного
Две меры вечного – нетленного.

* * *

Порой ночной, не разнимая рук,
Давай с тобой наговоримся, друг,
Мы беззащитны: времени река
Уносит нас в иные берега.
Ещё разлука впереди у нас...
Давай наговоримся про запас.

Памяти Саши Л.

Растёт, растёт мой список поминальный...
На летний день ложится снег печальный
И выявляет каждый светлый след.
Я сохраню друзей ушедших свет,
Я семена печали сберегу,
Посею на высоком берегу...
Когда-нибудь, сквозь времени полёт,
Былая горечь радостью взойдёт.

* * *

Был тесен круг сплетённых рук
И разом разорвался вдруг,
И все посыпались из круга.
О, как мы будем друг без друга,
О, как мы будем брат без брата,
И только ль время виновато
В непрочности желанных уз?..
«Друзья! Прекрасен наш союз!»

Блики солнца за облаком дальним,
Ускользающим в завтрашний день,
Обещают прощанье с печальным:
Так со светом прощается тень,
Так созвучья прощаются с мигом
Тишины и с любовью – душа,
Истекая неслышимым криком,
Заглушающим сделанный шаг.

* * *

Прикоснись. Убедиться хочу
В тихой верности прикосновенья.
Так касается стихотворенья
Губ моих вопреки палачу:
Пульсу времени, стрелке часов.
Всё, что движется – остановимо.
Лишь прекрасное – неистребимо
Ныне, присно, во веки веков.

* * *

Очутилась в зиме,
А к зиме не готова:
Ни коней, ни саней,
Ни тепла, ни пимов.
Ты согреешь меня
Утешительным словом,
Самым щедрым
Из всех недосказанных слов.
Ты подаришь его
Сквозь немую разлуку,

Словно сердцем учуешь:
Непрочно стою.
Ты протянешь мне слово –
Надежную руку.
И удержишь... удержишь...
На самом краю.

* * *

О, как плачет душа по тебе, моя радость...
Столько лет, а она все скорбит
О себе, потерявшей тебя.

* * *

По горлышко горьким насытившись,
Как почувствовать жизни сладость,
Да и есть ли она, вопрос?
Вот только у хины – странный
Привкус тепла и нежности,
Может, это и называется
Сладостью бытия...

* * *

Дотянулась до любви, ухватила,
Держу слабеющими руками.
Или это она меня держит?..

* * *

Как сладок был обман,
Как истина горька.
Еще в твоей руке
Лежит моя рука,
Но леденеет мысль,
Изнемогает речь,
И ни тебе, ни мне,
Увы, не убережешь
Минут, часов и дней
Закатного огня.
Покуда я с тобой,
Не покидай меня.
Не разжимай руки,
Она еще крепка,
Пусть истина горька,
Будь сладок нам обман –
Мы вместе на века.

* * *

Гроздь рябины не просто – гроздь,
Вместе ягодки, не поврозь,
Может – счастье? Попробуй, брось
Горько-сладкую эту горсть
Благодатную. Ну и пусть
Рядом с радостью зрела грусть...
Благодарная память уст
Послевкусие – наизусть.

* * *

Всё случайное – не случайно.
Предназначенная стезя –
И блеснувшая глазу тайна,
И скатившаяся слеза.
Задержусь ещё у порога,
Отворю нараспашку дверь.
Что ты скажешь теперь, дорога
Встреч-удач и примет-потерь?
Подари мне такую малость –
Взгляд сквозь жизнь, словно сквозь стекло,
Чтоб увидеть, что всё осталось,
Хоть давно уже утекло.

* * *

Уносит нас без всякого труда
В иные измерения и пространства.
У времени не требуй постоянства,
Оно летит не ведомо куда.
Что для него века, тысячелетья,
Аукнешь – не откликнется никто.
А на ветру промозглом в платье летнем
Всего лишь девочка, забывшая пальто.

* * *

Душа не помнит возраста,
она,
Как прежде, в жизнь земную
влюблена

Настолько, что взаимности
не ищет.
Своя любовь – ей кров
и пища.

* * *

Отпускаю тебя, дорогой,
Ведь любовь не отменит разлуки.
Опадают соцветья, и звуки
Исчезают за дальней горой,
За которой ни стона, ни стука...
Но любви не отменит разлука.

* * *

Душу памятью теребя,
Научаюсь жить без тебя.
Отпустила тебя с другой,
Мой единственный, дорогой...
Отпускать тоже нужно смель,
Даже если другая – смерть.

* * *

Что было
с нами,
То стало –
Снами.

* * *

Изживаю тоску. Время лечит?..
Меркнет образ любимый твой.
Неужели любовь не вечна –
Лишь до досточки гробовой?
Неужели там, за могилой,
Лишь одна забвенья трава?
Но ты смотришь мне в сердце, милый,
И я знаю, что не права.
Просто тихо уходит боль,
Притворяя дверь за собой.

* * *

Это снится и не снится,
Просто – ты со мной.
И бессонная синица
Рядом за стеной.
В тишине уснувших комнат
Голос твой ловлю.
Просто я люблю и помню.
Помню и люблю.

* * *

Царство Берендеево –
Золото с белилами.
Ничего древнее нет,
Чем прощаться с милыми.
Ничего нет горестней,
Чем терять любимого.

Ах, весна зелёная,
Как ты скоро минула.
Где ты, лето яркое,
Жаркое, кипучее?
В небеса перетекло
Счастье моё жгучее.
Но душа, любовь храня,
Не опустошается.
Царство Берендеево
В облаках качается.

* * *

Остался у меня – белый остров.
От прежнего былья – только остов,
Любого трепеща дуновенья,
На ниточке висит то строенье.
По острову иду белой тропкой,
Мне поздно смелой быть, поздно – робкой.
Прощай, моё бывшее жилище...
Теперь что Бог пошлёт – то и пища.

* * *

Нет, не случилось
Безоблачно мило.
Жизнь не была
Ни тепла, ни бела.
Только и делала –
Печи топила,
Только и делала –
Избу мела.

Только и делала –
Сор выносила.
С болью смотрел
Сострадательный Бог, –
Щедро отмерив
Терпенья и силы,
Душу заблудшую
Чистить помог.

* * *

Утраты... Утраты... Утраты...
Смиренная горечь потерь.
И поздно кричать – о, куда ты?
И только молиться теперь.
За выцветшей лентой заката
Мелькает крылатая тень,
Не ведая чувства утраты,
Рождается завтрашний день
Надеждой пронзительно светлой
На встречу в иных временах.
И листья, презревшие страх,
Слетают доверчиво с веток.

* * *

Когда умру, молитесь обо мне.
И может быть, прощённая вполне,
Душа моя в загробной вышине
Сама взмахнёт крылами, словно птица,
И полетит за вас, живых молиться.
Когда умру, молитесь обо мне...

* * *

Влекомые незримой силой
Так воздух резали стрижи...
О, память сердца, удержи...
Сюжет тебе отрадно милый,
Чтобы однажды над могилой
В тиши кладбищенской глуши
Мой прах блаженно осенило
Движение живой души.

* * *

На радость память нам дана,
От ада – к раю.
Всех улетевших имена
Перебираю.
То нежной флейтою звучат,
То бьют набатом,
То тише тишины молчат,
Но знаю – рядом!
Я чувствую дыханье их,
Любовь и верность,
Всех долгих спутников моих
Прикосновенность.

* * *

Обронила листья рябина,
Растеряла свою красу.
Всех ушедших своих любимых
Я по жизни в сердце несу.

И от лёгкой тяжести этой
Словно птица душа парит.
Гроздь рябины немеркнувшим светом
Вечной памяти в ней горит.

* * *

Из чего слагаются минуты,
Из какой абстрактности – века?
Движется, недвижимая как будто,
Времени священная река,
Забирая всех своим потоком
В даль, такую, что не долететь
Самым верным человеческим оком...
Только зорким сердцем вслед глядеть.

* * *

Ещё один счастливый вечер
В пространстве вечности и дня
После короткой сладкой встречи
Опять уходит от меня...
Но сколько их, таких прекрасных,
За жизнь скопилось дней, минут...
Среди отчаянно ненастных
Они мне душу берегут.
И верится: когда земными
Душа насытится сполна,
Она высокими, иными,
Навеки будет спасена.

* * *

Всё, что болело, – отболело...
Неужто болью жизнь жива?
Бесплодное пустует тело,
Забыв заветные слова.
Не я ль сама в слезах просила:
– Пройди, пройди. И вот – прошло...
Страданье – движущая сила,
Любви надёжное весло.

* * *

Давай говорить о высоком,
Давай говорить о любви,
Не той, молодой и далёкой,
А той, что не гаснет в крови.
О той, что горит не сгорая
И греет надёжно сердца.
О той, у которой нет края,
Которой не будет конца.

* * *

То, что и помнилось, тоже забылось,
Всё позабылось за давностью лет.
Только осталось, как Божия милость,
Эхо, которое слышит поэт.
Долгое, доброе, чуткое эхо,
Эхо, в сердечный включённое ритм,
Чьи нарушенья ему не помеха,
Чтоб на своём языке говорить.

В каждой артерии тоненькой бьётся,
Вьётся его незабытая власть,
Пусть и не памятью это зовётся,
Но достаёт, чтоб наплакаться влечь.

* * *

Чем больше отдаю, тем я богаче,
Лишь поскоплюсь – подступит нищета.
Всё забирайте, люди, а иначе
Душа моя, как полый ствол, пуста.

* * *

Всё медленней, медленней шаг,
Всё реже за внешним.
Теперь уже дышит душа
Восторгом нездешним.
Бесстрастия ищет она,
Покоя и мира.
И к вечному устремлена
Её усмиренная лира.

Душа и слово

Итоговые лирические книги

Г. Б. Кудрявской

Галина Кудрявская – поэт, который обращается к читателю не с отдельным «словом» – стихотворением, за каждым её текстом тянется след предыдущего и последующего высказывания, иногда уже опубликованного, а иногда ещё не созданного, ожидаемого. Узнается не текст, а голос поэта, тональность его лирики, эмоциональная атмосфера. Не случайно Галина Кудрявская осознанно и с любовью к делу объединяет свои стихи в лирические книги различного объема. (Чистый свет. – Омск : 1987. – 29 с. Терпение. – Омск : 1991. – 62 с. Предстояние. – Омск : 1996. – 80 с. Печаль моя, заступница. – Омск : 2004. – 84 с. Свет осени. – Омск : 2005. – 36 с. И только эхо вдалеке. – Омск : 2008. – 104 с. Счастье моё жгучее. – Омск : 2013. – 86 с. Ждала раскрытая тетрадь. – Омск : 2017. – 72 с.) Есть среди них большие монументальные композиции; есть скромные, камерные, в которых голос поэта звучит негромко, исповедально.

Но любая из книг является свидетельством: книготворчество для её автора не просто свидетельство мастерства, не только презентация написанного, созданного за долгий период литературной деятельности. Книга – это любимый лирический жанр, необходимая форма самовыражения для поэта Галины Кудрявской. И объяснение этому заключается в природе её лирического дарования.

Лирическая книга, или книга стихов, как метажанр (сверхжанр) всегда занимала важное место в русской поэзии; её история начиналась с русского Барокко, включала в себя творения Некрасова и Фета, Блока и Цветаевой, Ахматовой и Мандельштама. В современной поэзии этому жанру принадлежит ведущее место. За три века его существования не только созданы книги-шедевры, представляющие русскую лирику в мировой поэтической традиции; изучение книги стихов породило целую отрасль в отечественном литературоведении. Назовём лишь некоторые черты книжного жанра, наиболее ярко проявившиеся в творчестве Галины Борисовны Кудрявской. Прежде всего, это единый внутренний контекст, смысловое пространство, которое всегда возникает при соединении нескольких текстов, при формировании текстовых комплексов. Это пространство может быть сложно организованным, композиция книги подобна архитектурному сооружению с множеством частей, элементов, деталей. В книге развиваются сквозные темы, варьируются и сталкиваются мотивные комплексы,

образы, настроения, лирические коллизии. Есть книги-симфонии, монументальные, полные борьбы и движения. А есть книги-сюиты, небольшие по объему, камерные и интимные, неторопливо и немногословно раскрывающие различные грани одной лирической темы. Для творчества Галины Кудрявской характерны книжные формы второго типа, в них варьируется одна лирическая тема, определенная коллизия внутреннего мира автора. Но раскрывается она в различных своих гранях, в эмоциональных оттенках, во всей текучести душевной жизни, в коллизиях беспокойного, но ищущего гармонии человеческого духа.

Стихи Галины Борисовны Кудрявской – пример современной религиозной лирики. Одна из плеяды великих отечественных филологов XX века, Лидия Гинзбург, писала об «экзистенциальных темах лирики», имеющих отношение к изначальным корневым феноменам человеческого бытия – добру и злу, любви, смерти, творчеству, природе, вере. Это и есть так называемые «вечные темы» поэзии. «По самой своей сути лирика – разговор о высоком и прекрасном <...> своего рода экспозиция идеалов и жизненных ценностей человека» (Гинзбург Л. О лирике. – Л. : Сов. пис., 1974. С.). Жизненная ценность обретает свое выражение в поэтическом слове. Ценность, на которую обращено постоянное пристальное и пристрастное внимание поэта Галины Кудрявской – религиозный опыт современного человека, то есть собственный религиозный опыт, понимание ис-

тины, ощущение связи с Богом, личное переживание Его присутствия в мире. И горькое осознание несовершенства мира, в котором человек являет крайние степени духовного падения. Но сохраняет и возможность взлёта. И тем радостнее становится чувство сопричастности добру, милосердию, высшей правде. Это громадная и вечная экзистенциальная тема мировой поэзии, мировой культуры.

О ценности религиозного опыта, о кризисах веры и неверия, о своём видении, переживании, понимании Бога, об истории человечества как Священной истории писали наши поэты – от Пушкина и Тютчева, до Тимура Кибирова и Иосифа Бродского. Поэтическая традиция не иссякает и не прерывается. Негромкий голос современного поэта занимает определённое место в «общем хоре». Душа находит единственное необходимое слово, чтобы выразить себя в размышлениях о самом ценном, о том, что является её «животворящей святыней».

Лирической книге как жанру свойственна одна особенность, которой трудно подобрать определение. Литературоведы говорят об «итоговом характере», присущем этой поэтической форме. (Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитекtonика и жанровая динамика : монография. – Омск : ОмГУ, 2004). Речь идет не обязательно о «последней» книге поэта, любая лирическая книга итоговая по своей сути, она становится своего рода «поэтическим отчётом» о пережитом и обдуманном. Итоговость и исповедаль-

ность свойственны и новой книге Галины Кудрявской. В этом собрании лирики сложены в новое единство тексты из книг прошлых лет; внутренний контекст книги определяется, прежде всего, сквозной темой, обозначенной в заглавии: «С Творцом связующая нить...». Эта нить связывает пёстрый жизненный материал, попадающий в поле зрения поэта: воспоминания, светлые и горестные минуты жизни, утраты и обретения, вечно меняющаяся и всегда прекрасная природа. И во всём – живое чувство, перерастающее в убеждение: человек не один в мире, он не оставлен Добром, Милосердием, Любовью. «Надо жить, надо любить, надо верить, что живем не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно, там, во всём. <... > Разве я не чувствую в своей душе, что я часть этого огромного гармонического целого?» (Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 2) Вместе с толстовским героем эти слова мог бы повторить и читатель поэтической книги Кудрявской. Ничего не кончается здесь, в этот краткий миг, в этом бедном уголке земного пространства. Бесконечна и непрерывна нить существования.

Один из известных наших писателей прошлого века (Ч. Айтматов) однажды на встрече с читателями много говорил о кризисах и тупиках современной цивилизации. И высказал при этом мысль: человек должен осознать, что его действия приведут к гибели мира и ужаснуться. Человека спасет только чувство его конечности. Невозможно с этим согласиться. На наш

взгляд, человека может спасти только чувство собственной бесконечности, сопричастности Творцу и Его замыслу о мире. Так мне видится связующая мысль новой книги Галины Кудрявской:

Душа вольна хранить и не хранить
С Творцом её связующую нить.
Она свободна выбирать сама:
Здесь вечный свет, а там – навеки тьма.
Сама решаешь, некого винить.
Не торопись, не рви живую нить.

Определяя особенности авторской позиции в книге, мы бы выделили, прежде всего, такую её черту, как небоязнь простоты. Жизнь слишком серьезна и трудна для осмысления, существование человека столь ответственно, что главная забота думающего, чувствующего и принявшего право на высказывание человека-поэта – это искренность, подлинность сказанного слова. Конечно, поэзия не терпит и упрощения, банальности и холодной учительности. И тем труднее и важнее найти простое слово, в котором авторское понимание сложности бытия откроется читателю и вызовет доверие, сопереживание. Сквозной мотив лирической книги Кудрявской – двойственность бытия, сопряжённость в нем противоположных начал; эта коллизия определяет извечный, непреодолимый драматизм существования человека на земле. Но это же противоречие становится источником стремления к идеалу, оно побуждает к поискам абсолютного Добра, совершенной Любви. В стихах Галины Кудрявской эта кол-

лизия раскрывается тонко и глубоко, прежде всего, в образах природы:

Над снежным обрывом висела
Берёза, дрожа на весу,
И облаком легким белела
Другая берёза внизу.
Одна, напрягаясь корнями,
Себе говорила – держись!
Другая тугими ветвями
Летела в бездонную высь.
И обе хотели капли
И лета хотели до слёз,
И птицы веселые пели
В ветвях у обеих берёз.

Двойная устремлённость – ввысь и к земле одновременно – крест и испытание для нашего мира, но она же – источник роста и созревания души. Несовершенство жизни, уродство социальных отношений, душевная ограниченность и духовная слабость человека – всё это воспринимается и переживается автором книги как содержание собственной жизни. Нет в отношении поэта ко всем бедам нашего мира отчуждения, осуждения, нет высокомерной дистанции, напрочь отсутствует противопоставление «я» и «другой». Одни и те же беды, слабости, страдания и надежды связывают поэта с другими людьми, и в сострадании ко всему живому рождается надежда и укрепляется вера.

Восприятие мира в книге Галины Кудрявской отмечено особым аскетическим отношением к бытию, можно назвать это аскетическим чувством жизни. Оно становится единствен-

но возможным, адекватным самой сути жизни. В отечественной поэзии эта экзистенциальная характеристика присутствует постоянно. Тютчевское: «эти бедные селенья, эта скудная природа»; блоковское: «весь трепет этой жизни бедной». Вспоминаются образы русской зимы, сурового севера в отечественной лирике (от А. Фета до И. Бродского), это образы-символы, в которых запечатлена аскетическая сущность бытия. В лирике Кудрявской голос и взгляд поэта чуждается всего излишне яркого, броского, избыточного; скудость существования оказывается признаком его подлинности. И в поэтическом слове тоже присутствует это качество: сосредоточенность на немногом и главном.

Все чисто, выметены горницы,
Легко и грустно уходит
Из комнаты, где я затворницей
Совсем не собиралась жить.
Зияет улица морозная,
Пространством душу леденя.
И след, оставленный полозьями,
Меня уводит от меня.
Путем испытанным, оплаканным
Из неприглядных долгих лет
Туда, где счастья тоже нет,
Где нищенка в платке залатанном
И утешенье пахнет ладаном.

Сосредоточенность на сущности вещей придает лирике Галины Кудрявской философскую направленность. В современном литературоведении существует понятие философского метажанра. К разряду «поэзии мысли» относится

лирика, в которой выделяется особый предмет художественного изображения. Таковым становится сущность изображаемого явления, «всеобщее в сознании человеческого». В философской лирике «субъект сознания оказывается носителем всеобщего», «образ укрупняется до образа идеи». Однако при всей своей обобщенности художественный образ не превращается в научное понятие, поскольку остается конкретно-чувственным воплощением идеи (Спивак Р. Русская философская лирика. Проблемы типологии жанров. – Красноярск, 1985). В лирической книге Галины Кудрявской внимание к простым быденным вещам и безыскусная правда чувства пронизаны стремлением увидеть в единичном опыте общечеловеческие поиски истины. Не случайно авторское слово становится обобщенно-афористичным и появляются тексты, которые можно отнести к жанру поэтического афоризма:

Покажется: рукой до Бога,
Чуть потянись – такая даль.
...Стопам нелёгкая дорога
И сердцу долгая печаль.

Обобщенными становятся и образы художественного пространства и времени. Читатель оказывается внутри вечного круга – природного цикла времен года; каждому времени соответствует определенная цветовая палитра: серебро и холод зимы, «ржавчина» и золото осени, прозрачная бесцветность весны (когда краски исчезают и остается только свет), льющаяся, как

поток, зелень лета. Но движение времени обозначено не только сменой природных сезонов. Годовой цикл – это ещё и Лето Господне с его сакральными датами-праздниками, главные из которых – Рождество, Крещение, Пасха. Они символически соотносятся с состояниями человеческой души, которая болезненно переживает минуты своего отторжения от Творца:

Зима, как смерть Христа.
Весна! Сними с креста!

Отождествление зимы со смертным сном и умиранием души – традиционный поэтический мотив – осложняется в лирической книге многими оттенками: обостренным переживанием общей неустроенности жизни, умирания жизненных сил, истощения энергии души. И тут на помощь человеку приходит Слово. И это не только «Царственное Слово», которое «было к Богу» и «было Бог». Это и человеческое слово, слово поэта. Когда Б.Пастернак в стихотворении «На Страстной неделе» говорит: «Смерть можно будит победить Усильем Воскресенья», – он имеет в виду единое общее усилие человека, природы, Бога, который одинок без человека, как одинок и человек, оставшийся без Бога. Во всем пространстве лирической книги Галины Кудрявской пунктирной линией располагаются тексты, в которых запечатлены драгоценные моменты Предстояния – минуты, когда человек и одухотворённая природа сливаются в живом переживании единства мира и Бога:

Пью лекарство леса, неба синеву,
Радостью молитвенной, грешная, живу.
Светом наполняется нищая душа,
Зорче очи сердца, медленнее шаг.
Вечность дышит хвоей, холодит лицо,
Не сбежишь, не спрячешься, далеко крыльцо.
Тыщи вёрст до дома, снег и тишина,
Перед тайной жизни я сейчас одна.
Припаду к шершавой ледяной коре,
Душу поднимая к пламенной горе.
Дальнее исчезло где-то там, вдали...
Здесь скрещенье Сердца, Неба и Земли.

Сквозная тема книги раскрывается и варьируется в сложном комплексе мотивов, из которых главный – творчество, рождение поэтического слова. Но не только в этом заключается творчество. В отечественной литературе и философии это понятие не сводилось лишь к художественной деятельности. Творчество понималось как жизнестроительство. Рождение поэтического слова – трудный процесс, порой мучительный, результат духовной работы; это итог внутреннего преобразования, страданий и поисков. Это пушкинская тема, тема «Пророка» и «Поэта». Творчество – победа над смертью, над всё уничтожающим временем, в этом деянии соединяются усилия природы и культуры. Бытие становится сопричастным вечности, благодаря усилиям души каждого человека. Только таким образом достигается бессмертие. Эта сквозная тема русской поэзии прозвучала и в лирике Галины Кудрявской, прозвучала негромко, сдержанно и просто, но непрерывно и настойчиво, как тема жизни и души.

Стихи мои – моя молитва к Богу,
Такую Он определил дорогу,
Искать слова, всем голосам внимая,
И находить, из сердца вынимая,
Чтобы кому-то помнились они,
Как светлые и сладостные дни.
Чтоб кто-то ими, как водой, умылся,
Чтоб кто-то с ними, как с родными, сжился,
Чтобы кого-то на крутом пути
Они смогли утешить и спасти.

Сложная простота и серьезность замысла лирической книги Галины Кудрявской находят воплощение в строгой монументальности и четкой ясности построения целого. Более двухсот поэтических текстов собраны в четырёхчастную композицию, внутри каждой части выделяются небольшие циклы (например, цикл «Слово» в первом разделе) и стиховые комплексы. В заглавиях разделов обозначены основные темы книги: «Предстояние», «Чужая жизнь... чужая боль ... чужое горе», «От весны до осени чистый свет...», «Любить вольна... » В названиях указаны темы, доминирующие в данном разделе. Но в каждой из частей (и в каждом отдельном тексте; изоморфизм части и целого – закон построения лирической книги) в различных комбинациях представлено триединство основных экзистенциальных тем. Трудное предстояние человека перед Богом, «хождение» перед его «незримым оком». Одна из основополагающих тем русской литературы, может быть, главное ее слово, оставленное миру, простое и не выдуманное, а услышанное и принятое сердцем:

совершенная любовь, истина и добро живут не в дворцах, а в хижинах, рождаются в простоте и смирении. Как современному человеку, поклоннику и рабу избыточной сложности, проникнуться сознанием ценности трудной простоты, тяжелой работы самоограничения, смирения? Но, только осознав эти ценности, можно приблизиться к чистому свету мира, понять ту гармонию «свободы и покоя», которая постоянно служила источником вдохновения для русских поэтов. В этой коллизии раскрывается главная тема книги Галины Кудрявской – путь без конца, путь к источнику жизни, творчества, единения человечества в сострадании и любви.

Лирическая книга Галины Борисовны Кудрявской традиционна в лучшем смысле этого слова, она принадлежит классической традиции русской литературы. Но она и современна, потому что касается непреходящих основ человеческой жизни. В прежние времена литературные критики любили завершать рецензии поздравлением, адресованным автору и читателям новой книги. Таков был литературный этикет. Возродим эту уютную и добрую церемонию и порадуемся вместе появлению новой книги, большой и серьезной работы нашего неутомимого автора, и вместе с немецким писателем (большим ценителем русской литературы) скажем: «Не может кончиться работа жизни...» (Г. Гессе. Ступени). Думается, эта строчка могла бы стать прекрасным эпиграфом к единому тексту лирики Галины Борисовны Кудрявской.

«В коньке»

неба и земли... »

о поэтических сборниках Г. Б. Кудрявской

1) Чистый свет. Стихи. – Омск. 1987 г. Из аннотации к книге: – «Для творчества поэтессы характерна спокойная, уверенная тональность человека, осмыслившего своё назначение на земле...». Редактор книги Владимир Макаров – кандидат медицинских наук, поэт, член СПР.

2) Терпение. Стихи. – Омск. 1991 г. Путь к сердцу: – «Лучшие стихи в этой книжке отличаются изысканной простотой. Поэтесса обладает искусством бесхитростного, на первый взгляд, незатейливого рассказа. Не занимать ей и энергии чистого лиризма. Хорошо зная деревенский быт, увлекаясь его живописанием, Кудрявская, однако, идёт дальше обыкновенного жанризма, соблазнительной этнографичности. И тогда возникает сложное, почти религиозное чувство просветления, является потребность в очищении. А это, пожалуй, сейчас главное для нас». Из предисловия Сергея

Поварцова – кандидат педагогических наук, критик, литературовед, член СРП.

3) Предстояние. Стихи. – Омск. 1996 г. «...Скращенье Сердца, Неба и Земли»: – «Но вестники приходят. И автор этой книги, Галина Кудрявская, к счастью, одна из них. Они возвращают смысл высоким словам, потому что наполняют их энергией своей живой души, познавшей и нижние, и верхние этажи, и поэтому глубоко сострадательной и любящей. И тогда в мир приходит поэзия, для вестнического слова которой нет преимущественного выбора – святой или нищий, безобразия деревенской пьянки или великолепия белой берёзы над обрывом. Настоящий поэт открывается жизни во всём спектре...». Из предисловия Александра Лизунова – поэт, член СРП.

4) Аз есмь. Стихи и рассказы. – Омск. 2000 г. «Давай наговоримся прозапас...»: – «... пусть читатель этой книги, как и я, безотрывно проведёт часы над страницами и прикоснётся к чуткой и много перестрадавшей душе поэта. А я просто, по-человечески заявляю, что в любом сердце, имеющем хоть каплю сострадания, стихи Галины Кудрявской найдут отклик и вызовут ответную волну благодарности, что и является ценою мук и радости творчества». Из предисловия Владимира Макарова.

5) Печаль моя, заступница... Стихи. – Омск. 2004 г. «И вдруг я увидела мир...»: – «Беспределен мир души человека. Стихи Галины Кудрявской – окна её души, полной добра и надежды, сочувствия и отзывчивости. (...) Для её

стихов характерны чёткость мысли, ясность образа и, что особенно ценно, краткость (которая, по определению классика русской литературы, является сестрой таланта). А ещё... ещё – нечто присущее настоящей поэзии, пробуждающей чувства и являющей собою связь времён». Из предисловия Михаила Малиновского – прозаик, член СРП.

6) Свет осени. Стихи. – Омск. 2005 г. Осенние раздумья поэта: – «У Галины Кудрявской, к счастью, есть и самоконтроль, и вкус, и отбор, который знает всякий, кто имеет дело с искусством. И потому в её книге есть ощущение цельности поэтического высказывания. (...) Обаятельна книга и своей стилистикой. В её мягкой интонации нет резких очертаний и красок – преобладают приглушённые полутона... (...) В осенних стихах Кудрявской живёт гармония мира... (...) А если ты чувствуешь и «присутствие Создателя в созданье» (В. Жуковский), тогда приходит ощущение полноты и радости бытия (...) Боль сердца – рядом с истинной верой в горькую, пусть томящую и нескладную, но всё равно счастливую жизнь человека в этом «вечном, дивном мире». Из предисловия Вадима Физикова – кандидат педагогических наук, литературовед.

7) И только эхо вдалеке. Стихи. – Омск. 2008 г. Из предисловия Лидии Трубициной «Предназначенная стезя». (Член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ) «Галина Кудрявская – особое, отдельное явление в омской литературе. Ей счастливо даро-

вано выражать свои связи с миром, своё восприятие человеческих отношений, природы одинаково глубоко и тонко и в поэзии, и в прозе. (...) ... и мы, читая написанные строки, печалась и оттаивая душой, испытываем благодарность за подаренные нам прекрасные мгновения, полные радостных открытий, горьких раздумий, светлых прозрений – всего того, что заставляет задуматься о своей жизни, о ценностях истинных и мнимых, о человеческих отношениях, всего того, что просветляет душу».

8) Поймать ветер. Стихи, проза. Омск. – 2010 г. Из предисловия Ирины Гладковой (Кандидат педагогических наук, литературовед). «В стихах, открывающих книгу, с особой выразительностью проявилось то авторское ощущение внутреннего единства природного и человеческого начал, которое и определяет ценность жизни, её правду. От стихотворения к стихотворению всё ярче проявляют себя духовные ориентиры, благодаря которым символами гармонии человека с миром становятся образы осеннего леса, птиц, неба, звёзд, земли, дома, темы света, любви, добра, мира(...) Подкупает стремление автора воссоединить земное и вечное, боль отчаяния и надежду на исцеление, страдание и сострадание, которые естественно и плавно перетекают в твою судьбу, оказываются рядом, возле тебя, в тебе, открывая способность переживать события человеческих судеб как собственные».

9) Счастье моё жгучее. Стихи. Омск. – 2013 г. Из предисловия Вадима Физикова «Надежды

и открытия усмирённой музы». «В новом сборнике Галины Кудрявской нет, пожалуй, ни одного случайного или так называемого проходного стихотворения. И все вместе они образуют единство интонации, мелодики, за которыми со знаёшь движения переживания и мысли автора. Бытийное чувство мира помогло лирической героине научиться по-ахматовски «мудро жить», ощущая как дар самое простое, обычное в нашем земном существовании(...) Ведь поэт знает, что жизнь и судьба – это не только боль страданий и утрат. Но ещё и понимание, что творчество «дудочка Твоя, Господи, захочешь – и зазвучу»(...) Такова спасительная натурфилософия Галины Кудрявской, сообщающая пережитому такой впечатляющий оптимизм и яркость её осенним тропам».

10) Ждала раскрытая тетрадь... Стихи. Омск. – 2017 г. Из предисловия Миньоны Штерн «История созидания души...» (Доктор педагогических наук, литературовед). «Перед нами книга – цикл, отмеченная единством тематики и образного ряда, лирической атмосферы. Возвращение к истокам всего – памяти, времени, бытия – внутренний посыл, придающий единство этой подборке лирических текстов. Это философская лирика, размышления об основах и итогах человеческой жизни. В ней на первый план выступает жизнь природы, вся полнота природного цикла. Образы осени, весны, весеннего и летнего цветения ярки и мимолётны одновременно. Однако природа интересует автора не в её чувственной красоте, она пред-

ставлена одухотворённой, потому что каждый миг её существования соотнесён с жизнью человеческой души. В этой соотнесённости открывается истинное значение красоты всего живущего (...) Подчеркнём, что перед нами, прежде всего, книга религиозной лирики, раскрывающая мир верующей, страдающей, борющейся души. Пожалуй, «любовь» – главное ключевое слово в этой композиции. И как многогранно его значение – им объёмлется всё бытие!».

Содержание

Биография души. 3

Часть первая: Предстояние

Достаточно	10
«Душа вольна хранить и не хранить...» . . .	10
«Стынет белая дорога...»	10
«Проникну в царство дикое...»	11
«Над снежным обрывом висела...»	11
День поминовения	12
«Только, что ни говори...»	13
«Ах, полюшко, снежное поле...»	14
«Холодно в доме, не топлена печка...» . . .	15
«Всё чисто, выметены горницы...»	15
Нищий у церкви	16
«В наш ядерный, безумный, оголтелый...» .	16
«О, дай мне, Бог, не разочароваться...» . . .	17
«Снег запоздалый выбелил поля...»	17
Слово	18
«Как листья, шепчутся слова...»	18
«Доброе несказанное слово...»	18
«Когда вдали из ниоткуда...»	19
«Стихи мои – моя молитва к Богу...»	19
«Как под ливень вылететь...»	20

«Ищет душу живая душа...»	21
«Ко всенощной службе, на бденье...».	21
«Пост Филиппов, белое безмолвье...»	21
«После Крещения дело к весне...»	22
«Зима, как смерть Христа...»	22
Предстояние	23
«Покажется: рукой до Бога...»	23
«Когда совсем запутаюсь в силках...»	23
«В церкви гаснут огни...»	24
«Столь, Господи, виновна перед Тобой...»	24
«Не списать всех грехов на незнание...»	24
На улице Тарской	25
«Влекомая не разумом, но чувством...»	26
«Праздник рождества в колонии для молодетних преступников...»	26
«Бежать вперёд, не для того, чтоб в новом...»	27
«Введение во храм...»	27
«И был вечер...»	28
«Всё на ладони...»	28
«Обрыв. Река внизу, далёко...»	30
«Целуя листья, как иконы...».	30
«Чистая радость в душе поселилась...»	30
Светлане Бородиной.	31
«Чего ещё душе желать и жаждать...».	31
«Глянул однажды Господь сверху...».	32
«Какая синь на зимнем небе...»	32
«Распростёр Господь два крыла...».	33
«По листьям опавшим, просекой...»	33
«Крещенскую воду...»	33
«Не допусти опустошенья...»	34
«Зачем так красива осень...»	34
«Всё золото уже упало...»	35

«Это слёзы мои с ресниц...»	35
«Зачем душа предчувствием томится...». . .	35
«Очнуться вдруг нечаянно в судьбе...». . .	36
«Вот и первый снежок, неожиданно робкий...».	36
«Лес... Кружев волшебство...»	36
«В полночный час, когда на небе звёзды...». . .	37
«Жизнь моя стекает в строки...»	37
«Оставь меня на этом берегу...»	38
«Уже до края несколько шагов...»	38
«Найти свой Дом...»	38
«Отгромыхав, прошла гроза...».	39
«Неси свой крест, тебе Господь...»	39
Видимый свет	39
«На травах зрелых настоян воздух...»	40
«Всё стихло в наступающей ночи...»	40
Молитва	41
«Душе, грехами искушённой...»	41
«Я молчу. Откричалась...»	42
«Такая в доме тишина...»	42

**Часть вторая: Чужая жизнь... чужая
боль... чужое горе...**

«Зажёгся свет, за шторами в окне...». . . .	44
Домик на окраине	44
«Счастливая душа...»	45
«Нам немного отпущено веку...»	45
Память	46
«Я песенку пела про чудо...»	47
«Последняя дорога	47
«Играет музыка в бору...»	49
«Приеду в городок районный...»	49
«На родине моей...»	51

«Беснежные зимы горьки...»	51
«Построен дом добротнo...»	52
«Пьёт, по чёрному, Россия...»	53
Современница	53
Восьмого мая в вечернем трамвае	55
«Из жизни он вычеркнут был...»	56
Государственные дети.	57
«Я научилась отстраненью...»	59
Новостройка	60
«Всё в Божьих руках...»	61
«Неухожена лошадка...»	61
«Сломали ветку...»	62
«Что хулить её, что хвалить...»	63
«Мне жизнь моя не застилает глаз...»	63
«Глазу нужен простор...»	64
«Перед займищем на лугу...»	64
Нищенка	65
«– Всё хорошо, прекрасная маркиза...»	66
«Что же ты плачешь, нищенка...»	66
Ветеранам «Северного рая».	67
«Перепутъё перепутали с путём...»	69
«Вольному воля, хочешь, живи...»	69
«Есть у памяти свойство одно...»	70
«Бытом душу пытаюсь...»	70
«Как этот лист на веточке, держись...»	70
«Почему через боль, через боль...»	71
«Сквозь линзы слёз, ленивая душа...»	71
Лошадиная жалоба	72
«Плач ли, стон ли раздался гармонии...»	72
«Аптечное нынче не в моде...»	74
«Ну, что ты, чужое горе...»	74
«На торжище менял	74
«Да, жизнь вполне абсурдна. Не ищи...»	75

«И явь...»	76
«Человеку нужен человек...»	76
«То ли дождь пойдёт, то ли снег...».	77
«Надорвусь страдать-сострадать...»	77
«Какая награда...».	77
«Печаль моя, заступница печаль...»	78
«Душа отдушину искала...».	78
«Печальный день или счастливый...»	78
«В остатке дней – осадок бытия...».	79
«Глядеть – не наглядеться...».	79
«Чужая боль...»	80
«Тишина. Облегченно качаются кроны».	81

Часть третья: от весны до осени чистый свет

«Затянулась зима... в ожиданье весны...».	82
«Начало марта, как начало новой...»	82
«И эта поздняя весна...».	82
Чистый свет.	83
«Виють витры...» – так певали...»	86
Дом родной	86
Моя звезда	87
«Мы в сумерках, не засветив огня...»	88
«Я приеду...»	88
«Дом стоит, неказист, скособочен...»	89
«Сыро, зябко... Зябнет зяблик...».	89
«Чуть полежать, не открывая глаз...»	90
«Неожиданная удача...».	90
«Этот голос мне с детства знаком...»	91
Игра.	91
От детства	92
«Летит душа за птицами, летит...».	93
«Весна наступила...».	93

Бабушкины сказки (Быль)	94
«Тех, кто ушли от нас...»	96
«Октябрьский лес прозрачен и прекрасен...»	96
Хорошо	97
«Берёзы голые белели...»	98
«Вдруг свернулась листва...»	98
Старому другу	99
«Глина. Пригорок. Ива...»	99
«Закат мелодией наполнен...»	99
«Был чудный день...»	100
«От того, что колышутся кроны...»	100
«С картины голландца...»	101
«Пишу стихи, совсем простые...»	101
В.Ф.	102
«И октябрь уже миновал...»	102
«Просто слушать тишину...»	102
«Какой пожар случился на земле!...»	103
«Мозаика листьев на влажной земле...»	103
«Нет, ни в чем не виноват...»	103
«С каждым днём ослепительней лес...»	104
«Взгляни в окно и тихо улыбнись...»	104
«Души прозрачная пора...»	104
«Осенняя краса. Последний час...»	105
«Золотыми листьями берёз...»	105
«Осень надела на слабые стебли былинок...»	105
«Потемнела лиственниц патина...»	106
«Тучнеют тучи, а между строк...»	106
«И первый снегопад как первая разлука...»	107
«И снова мальвы зацвели в июне...»	107

«Вот так бы и жить нам на краешке лета...»	107
---	-----

Часть четвёртая: любить вольна...

«Любить вольна и не любить вольна...» . .	110
«Горчит полынь сухая...»	110
«Родина милая...»	111
Поле чудес	111
«Убогая русская жизнь...».	112
Старые дома	112
«Придёт желанье раствориться...»	113
«Зимний день был сияюще белым...» . . .	114
Уезжая...	114
Цыгане	115
«До поры я платье чёрное...»	115
«Есть тяжёлая в жизни работа...»	116
«Приснись мне, мама, светло на днях...» .	116
«Старушки, мамины подружки...»	117
«То под гору, то в гору...»	117
«Нет, молодым не завидую я...»	118
«Я – человек. Во мне так много жизней...»	118
Дочки	118
«Катись, катись, колечко, от крылечка...».	119
«Нет! Умереть мне от другого...»	119
«Остановка – «Юнгородок!»!...»	120
Тишина. Похолодало	120
«Под кожей яблока живого...»	121
«О, как молчанье душу лечит...»	121
Счастье	122
«Пахло капустными щами и счастьем...» .	122
«Утрами уже морозит...»	123
«Жизнь научает со многим смириться...» .	123

«Словно вечность жила подчинённой любви...»	124
«Душа с душой, как тайна с тайной...» . . .	124
«Порой ночной, не разнимая рук...»	125
Памяти Саши Л.	125
«Был тесен круг сплетённых рук...»	125
«Когда ещё...»	126
«И при солнце, и при луне...».	126
«В этом царстве торжественно-белом...» . .	126
«Прикоснись. Убедиться хочу...»	127
«Очутилась в зиме...»	127
«О, как плачет душа по тебе, моя радость...»	128
«По горлышко горьким насытившись...» . .	128
«Дотянулась до любви, ухватилась...» . . .	128
«Как сладок был обман...»	129
«Гроздь рябины не просто – гроздь...» . . .	129
«Всё случайное – не случайно...».	130
«Уносит нас без всякого труда...».	130
«Душа не помнит возраста...»	130
«Отпускаю тебя, дорогой...».	131
«Душу памятью теребя...».	131
«Что было...»	131
«Изживаю тоску. Время лечит...»	132
«Это снится и не снится...»	132
«Царство Берендеево...».	132
Остался у меня – белый остров...»	133
Нет, не случилось...»	133
«Утраты... Утраты... Утраты...»	134
«Когда умру, молитесь обо мне...»	134
«Влекомые незримой силой...»	135
«На радость память нам дана...»	135
«Обронила листья рябина...»	135

«Из чего слагаются минуты...»	136
«Ещё один счастливый вечер...»	136
«Всё, что болело, – отболело...»	137
«Давай говорить о высоком...»	137
«То, что и помнилось, тоже забылось...» . . .	137
«Чем больше отдаю, тем я богаче...»	138
«Всё медленней, медленней шаг...»	138

Душа и слово. Итоговые лирические книги Г. Б. Кудрявской	139
---	-----

«В контексте неба и земли...» о поэтических сборниках Г. Б. Кудрявской	152
--	-----

Литературно-художественное издание

Галина Кудрявская

*С творцом
связующая нить*

Редактор: *Л. В. Новосёлова*

Технический редактор: *Е. А. Балова*

Подписано в печать . Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. Уч.-изд. л.

Тираж экз. Заказ Б-317

Издательство ОмГПУ.

Отпечатано в типографии ОмГПУ,

Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93